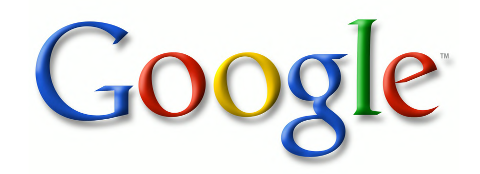
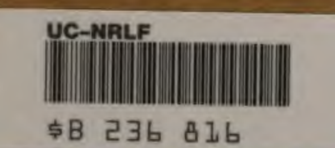
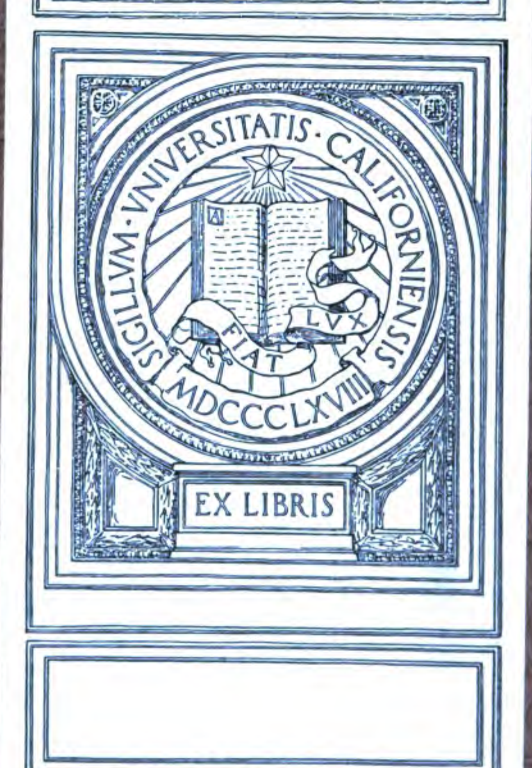

Google

UC-NRLF
$B 236 816

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·

SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СВОБОДА".

V. Cherkezov
В. ЧЕРКЕЗОВЪ.

Doktriny Marksizma

Доктрины Марксизма.

„Всѣ кумиры долой — голая, обнаженная истина лучше приведетъ къ дѣлу..."
А. И. Герценъ.

Vyp II

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Nauka-li Eto?

НАУКА-ЛИ ЭТО?

Расколъ среди соціалистовъ государственниковъ

МОСКВА.
1905 г.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СВОБОДА“.

Доктрины Марксизма.

„Всѣ кумиры долой — голая, обнаженная истина лучше приведетъ къ дѣлу...“
А. И. Герценъ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

НАУКА-ЛИ ЭТО?

В. ЧЕРКЕЗОВЪ.

МОСКВА.
1905 г.

Глава III.

Научность.

По непонятному противорѣчію, Энгельсъ, а за нимъ и всѣ публицисты и ораторы соціалъ-демократіи, преклоняясь передъ діалектикой, метафизикой и Гегелемъ—„императоромъ метафизики"—стали называть свои философскія, политическія и соціальныя доктрины не метафизическими, а научными. Странно. Не они-ли такъ разносили индуктивную науку Бэкона и Локка, Бокля и Чернышевскаго, и объявили ее „вульгарною", создавшею „характеристическую ограниченность послѣднихъ столѣтій"? Не они-ли славословили Гегеля, его діалектику и міровой творческій духъ (богъ дикарей и богослововъ), его метафизику и государство, едва-ли „не лучше примѣнимое къ любому созданію Вѣнскаго конгресса"? (Вундтъ).

Спрашивается, почему они затѣяли такой странный маскарадъ и, вмѣсто лучезарныхъ ризъ діалектической метафизики, облеклись въ рабочее платье индуктивной науки? Почему они именуютъ свои діалектическія упражненія „научными", а не метафизическими? Или они не подозрѣваютъ, что внѣ индуктивнаго метода Бэкона и Локка нѣтъ науки, а стало быть нѣтъ и научнаго мышленія?...—„Но, отвѣтятъ эти представители научности безъ индуктивной науки, если вы прочтете Энгельсовы безчисленныя *предисловія* 80-хъ и 90-хъ г.г. *къ новымъ изданіямъ* брошюръ и статей 40-хъ г.г. Энгельса и Маркса, вы увидите въ нихъ (въ предисловія 80-хъ и 90-хъ г.г., а не въ текстѣ), что еще въ 1845 г., встрѣтившись въ Брюсселѣ, Марксъ и Энгельсъ выработали новые методы философскаго мышленія, новые законы общественнаго развитія, матеріалистическое (экономическое) объясненіе исторіи. Вотъ эти великія открытія и составляютъ содержаніе *науки* нашей *партіи*, соціалъ-діалектическую научность."

О методахъ мышленія, о діалектикѣ, объ ея научности, „уродующей мысль" (Вундтъ), а равно и объ от-

крытіяхъ Энгельса въ области метафизическаго мышленія мы уже говорили. Перейдемъ теперь къ діалектическому объясненію исторіи, и прежде всего установимъ, съ помощью самого Энгельса, исторію ихъ великаго открытія.—Дѣйствительно, Энгельсъ неустанно повторялъ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ объ ихъ (его и Маркса) открытіяхъ, при чемъ онъ всякій разъ точно указывалъ, что въ 1845 году они уже завершили открытія и рѣшили предпринять переработку общественной мысли согласно съ ними, съ открытіями, конечно. Это онъ заявлялъ, а за ними повторяли всѣ соціаль-діалектики, включая и русскихъ г.г. Бельтова, Струве, Плеханова и содружество. Какъ подтвержденіе обыкновенно, приводятся двадцать строкъ изъ предисловія Маркса къ его претенціозной и никѣмъ тогда не замѣченной „Zur Kritik der Politischen Ekonomie" 1859 г. Двадцать строкъ... и только?—Да, только, и то ждется 14 лѣтъ со времени открытій. Маловато, кажется. Особенно ничтожными кажутся эти строки рядомъ съ блестящими статьями той же эпохи Н. Г. Чернышевскаго. Сравните, напр. „Капиталъ и Трудъ", „Экономическая дѣятельность и Законодательство", „О причинахъ паденія древняго Рима", „Философскія предубѣжденія противъ общиннаго владѣнія", „Іюльская Монархія", „Борьба партій во Франціи", „Политика" (первую статью особенно) — и вы увидите, какъ жалки эти двадцать строчекъ предисловія „zur Kritik", какъ смѣшны претензіи, основанныя на нихъ. А вѣдь Чернышевскій не претендовалъ на открытіе роли экономическихъ факторовъ въ эволюціи исторіи человѣчества. И какъ бы могъ совершать подобную нелѣпость онъ, знавшій труды Вико, Гердера, Вольнея, Тьерри, Бланки, Кетле, Бокля и другихъ, установившихъ и разработавшихъ ученіе объ экономическихъ факторахъ въ исторіи? Цитатами изъ названныхъ авторовъ, а также и другихъ мы покажемъ тоже, что только по грубому невѣжеству, діалектики могли принять за откровеніе избитое, общее мѣсто въ такъ называемой философіи исторіи, однимъ изъ отцовъ которой былъ Гердеръ.

Поразительно четырнадцати-лѣтнее молчаніе (съ 1845 по 1859 г.) о великихъ открытіяхъ. Вѣдь Марксъ и Энгельсъ писали все это время въ нѣмецкихъ, англій-

скихъ и во французскихъ журналахъ. Въ 1847 г. Энгельсъ сотрудничалъ въ „La Réforme“ Флокона и Ледрю-Ролена. Въ своихъ письмахъ изъ Лондона Энгельсъ разсказывалъ о каждой фразѣ и статьяхъ Маркса и его самого*), а о великихъ открытіяхъ ни слова не упоминаетъ. Это тѣмъ болѣе странно, что именно во Франціи того времени очень много говорилось и печаталось о классовой борьбѣ, о роли экономическихъ факторовъ въ исторіи и въ соціальномъ строѣ. Историки—Тьерри, Мишле, Луи Бланъ, Гизо; соціалисты—Пекеръ, Видаль, Викторъ Консидеранъ; политико экономическіе реформаторы—Бюре, Виллерме, Адольфъ Бланки—всѣ въ той или иной формѣ касались этихъ вопросовъ. Почему Энгельсъ и Марксъ, писавшіе въ то время очень много, нигдѣ не обмолвились ни словомъ объ открытіяхъ, перевернувшихъ человѣческое мышленіе и создавшихъ совершенно новый феноменъ: науку партіи, а не человѣчества? Не по скромности ли? Можетъ быть и по скромности, хотя сомнительно, такъ какъ если Энгельсъ и грѣшилъ чѣмъ, то только не скромностью, особенно въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, когда онъ сталъ безпрестанно повторять именно о великихъ открытіяхъ, вполнѣ выработанныхъ въ 1845 г., — не позже, а въ 1845 году. А всетаки очень странно, что съ знаменитаго теперь въ исторіи человѣчества 1845 года вплоть до 1859, отцы науки партіи могли только дать свои историческія и классовыя воззрѣнія въ Коммунистическомъ Манифестѣ, ученически повторившемъ, какъ мы увидимъ позже, манифестъ В. Консидерана 1847 года, да еще двадцать строкъ выше названнаго предисловія „Zur Kritik“ 1859 г.

Не ошибся-ли въ датѣ открытій Энгельсъ? Не измѣнила-ли ему память подъ старость? Вѣдь онъ писалъ упомянутыя предисловія и нѣсколько компиляцій—Моргана между прочимъ—когда ему перевалило за шестьдесятъ лѣтъ. Намъ бы хотѣлось скорѣе думать, что наше предположеніе основательное, чѣмъ искать иныхъ причинъ для объясненія слѣдующимъ, очень и очень страннымъ смѣшеніямъ и противорѣчіямъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

---

*) Смотри новый французскій переводъ „Le Manifeste communiste“, par Ch. Andler. Paris 1901. Appendice.

Въ самомъ началѣ „Коммунистическаго Манифеста“ Марксъ и Энгельсъ писали въ 1848 г.:

„...Коммунизмъ признанъ теперь силою всѣми европейскими державами.“—А въ 1893 г., спустя 45 лѣтъ, на Цюрихскомъ Конгрессѣ, Энгельсъ утверждалъ, что— „...въ то время (въ сороковыхъ годахъ) соціализмъ былъ достояніемъ только нѣсколькихъ маленькихъ сектъ*).“—

Маленькія секты были признаны „силою“, считались страшнымъ призракомъ. Кто тутъ правъ — Марксъ и Энгельсъ вмѣстѣ, или Энгельсъ одинъ? А вотъ и еще примѣры. Подъ старость Энгельсъ вздумалъ изложить популярно книгу Люиса Моргана „Древнее Общество“. Книга первокласная, написана индуктивнымъ методомъ, ученымъ громадныхъ знаній. Первыя работы Моргана по этому сюжету начали появляться съ 1847 г. Но такъ какъ Марксъ и Энгельсъ совершили ихъ „великія открытія“ въ 1845 г., то это даетъ послѣднему право писать въ предисловіи своей популяризаціи (1884 г.), что.

„Морганъ на свой ладъ *вновь открылъ* въ Америкѣ экономическое (матеріалистическое) объясненіе исторіи, открытое Марксомъ **) сорокъ лѣтъ тому назадъ.“

Прочитавъ это, естественно вы набрасываетесь на изложеніе Энгельса, дабы видѣть, какъ двое ученыхъ — одинъ индуктивный, другой діалектикъ — совершаютъ одно и тоже открытіе, не слышавъ другъ о другѣ. Энгельсъ постарается воздать каждому***) по заслугамъ.— Излагая послѣдовательно Моргана и его разборъ мнѣній Грота о греческомъ родѣ, Энгельсъ приводитъ слѣдущее возраженіе, по его увѣренію сдѣланное Марксомъ:

„Замѣтимъ г. Гроту, что хотя греки производили ихъ роды изъ мифологіи, эти роды древнѣе самой мифологіи съ ея богами и полубогами.„

Возраженіе первостепенной важности, капитальное; оно разрушаетъ легенды о божественномъ, сверхъестественномъ началѣ въ развитіи человѣчества, и дѣлаетъ

*) Отчетъ въ „Journal des Economistes“ № 9 1893, стр. 328.

*) Потомъ мы увидимъ, что и Энгельсъ принималъ участье въ открытіи.

***) У насъ нѣтъ подъ руками русскаго перевода книжки Энгельса. Цитаты читатель найдетъ въ IV главѣ на первыхъ 4—5 стр., гдѣ рѣчь идетъ о греческомъ родѣ по Гроту.

большую честь его автору. Но бѣда въ томъ, что Энгельсу опять измѣнила память: возраженіе это не діалектика Маркса, а индуктивнаго ученаго Моргана, и не просто голословное возраженіе, а выводъ изъ тщательнаго анализа громаднаго количества фактовъ. На стр. 228, строчки 11—14 сверху, у Моргана мы читаемъ его выводъ изъ анализа мнѣній Грота:

„Приведенные *факты* доказываютъ существованіе родовъ далеко задолго до созданія мифологіи, раньше, чѣмъ представленіе объ Юпитерѣ или Нептунѣ, Марсѣ и Венерѣ зародилось въ мозгахъ у людей.“

Такъ говоритъ Морганъ, книгу котораго Энгельсъ излагаетъ страницу за страницей. Почему онъ приписываетъ мысли Моргана Марксу? Развѣ послѣдній писалъ анти-гротовскія изслѣдованія о греческой мифологіи или о первобытномъ родовомъ бытѣ въ Греціи?— Нѣтъ, ничего подобнаго Марксъ не писалъ. Какъ же Энгельсъ, глядя на страницу, изложеннаго имъ текста книги Моргана, приписываетъ слова послѣдняго Марксу?—Тутъ даже нѣтъ мѣста вопросу о старческой забывчивости, объ измѣнѣ памяти: у него открыта изложенная страница Моргана, а не Маркса. Но допустимъ, что и на этотъ разъ старческая память измѣнила Энгельсу и онъ по ошибкѣ приписалъ оплакиваемому діалектическому усопшему другу выводы изъ трудовъ „ограниченно-мыслящаго“ индуктивнаго ученаго. А какъ прикажете понимать слѣдующее мѣсто, все о тѣхъ же греческихъ родахъ и о Гротѣ, двѣ страницы выше приведенной цитаты, тамъ, гдѣ Энгельсъ, изъ стр. 222 и 223 книги Моргана выписываетъ десять основныхъ правъ и обязанностей членовъ греческихъ родовъ? Между шестымъ и седьмымъ пунктами Энгельсъ вставляетъ весьма жалкій парафразъ анализа этого (6-го) пункта у Моргана, и вдругъ объявляетъ:

„Тутъ Гротъ останавливается, а Марксъ добавляетъ: „Но въ греческихъ родахъ мы узнаемъ дикарей,—ирокезовъ, напримѣръ.“—

Читалъ я эти слова Маркса въ ковычкахъ и диву дивился. Вѣдь этими словами начинается новый абзатцъ мастерскаго Моргановскаго анализа пункта 6-го (стр. 222, строка 16 и половина 17-ой).

„Сходство между Греческимъ и Ирокезскимъ родомъ сразу будетъ замѣчено“ говоритъ Морганъ, а не Марксъ. Откуда тутъ взялся Марксъ? Въ этомъ удивительномъ и единственномъ литературномъ казусѣ не можетъ быть и рѣчи о забывчивости, ибо Энгельсъ просто копируетъ пунктъ за пунктомъ и, дойдя до 6-го, прерываетъ списываніе съ тѣмъ, чтобы вставить Моргановскій анализъ этого пункта, а потомъ продолжаетъ переписывать 7-й и всѣ послѣдующіе до конца, но предварительно приписавъ слова Моргана Марксу... Вотъ этотъ удивительный процессъ подписыванія имени Маркса подъ чужимъ произведеніемъ и названъ Энгельсомъ, а за нимъ проповѣдуемъ „учеными“ діалектиками, какъ настоящая научность. У насъ, у обыкновенныхъ смертныхъ, подпись одного имени подъ рукописью или литературнымъ произведеніемъ другого человѣка принято называть... Какъ?—Читатель знаетъ безъ насъ, а у діалектиковъ это называется „научная діалектическая тріада“. Морганъ написалъ замѣчательную индуктивную книгу,—это тезисъ; Энгельсъ пишетъ по знаменитой книгѣ діалектическую популяризацію,—это первое отрицаніе (діалектикой индукціи); потомъ подъ лучшими индуктивными мыслями и выводами онъ подписываетъ имя діалектика Маркса, и получился синтезъ, отрицаніе отрицанія (индукція опять замѣнила діалектику, но съ именемъ діалектическаго Маркса!) Удивительный методъ! Геніальная діалектическая творческая научность! А главное, какая удивительная добросовѣстность, трогательное великодущіе: мысли и открытія безвѣстнаго индуктивнаго Моргана вынести на свѣтъ божій подъ лучезарнымъ именемъ великаго діалектика Маркса!...

Однако, возвратимся къ нашему сюжету о „научности“ и великихъ открытіяхъ діалектической школы. До сихъ поръ мы видѣли только пустячки изъ „открытій“ Маркса и Энгельса. То были только цвѣточки, а ягодки будутъ впереди... И какія ягоды, читатель!

Популяризуя того же Моргана, въ послѣдней IX главѣ „Варварство и Цивилизація“, Энгельсъ заявляетъ, что въ изложеніи, теперь, „„Капиталъ“ Маркса будетъ столь же необходимъ, какъ и книга Моргана“. Но по странной забывчивости, Энгельсъ все продолжаетъ изла-

гать Моргана, а Марксъ упоминается единственный разъ тамъ, гдѣ, по Моргану, излагается возникновеніе частной семьи, братствъ, племенъ изъ рода подъ вліяніемъ, между прочимъ, и создавшейся частной собственности. При этомъ Энгельсъ присываетъ Марксу мысль, что неравенство и господство однихъ надъ другими невозникли бы, „если бы разница въ имуществахъ внутри самого рода не превратила бы единство интересовъ во вражду съ чужаками". Только всего и приписано Марксу, но и то опять по забывчивости. Мнимыя слова Маркса опять таки принадлежать Моргану. На страницахъ 505 (Rise of Property.), 231 (The growth of the idea of property etc. etc.), (This, with property and efficient position... ets. etc.), на многихъ другихъ еще, а особенно на 6 и 7, гдѣ Морганъ дѣлаетъ предварительныя замѣчанія, начиная съ „Lastly. The idea of property... etc."—мы безпрерывно встрѣчаемъ развитіе именно этой капитальной мысли, которую, опять по забывчивости, Энгельсъ приписалъ Марксу.

Но верха забывчивости Энгельсъ достигаетъ въ заключеніи своей популяризаціи, Прочиталъ онъ на страницѣ 552 замѣчательное обобщеніе Моргана, по которому цивилизація ведетъ человѣчество къ высшему строю общественности, съ царствомъ дѣйствительной свободы равноправныхъ, просвѣщенныхъ людей, живущихъ въ полной гармоніи безъ какихъ бы то ни было обязательныхъ и принудительныхъ государственныхъ формъ. „It will be a revival in a higher form, of the liberty, equality and fraternity of the ancient gentes", т. е. до-государственная форма жизни, но обогащенная всей современной культурой, замѣнитъ современное военно-полицейское и будущее соціальдемократическое государство, Прочиталъ онъ это и понравился ему логическій выводъ о лучезарномъ грядущемъ освобожденнаго человѣчества. А тутъ, какъ разъ появилась книга другого великаго индуктивнаго мыслителя Спенсера, „Individual versus the State", въ которой государство разсматривается такимъ же вреднымъ предубѣжденіемъ, такимъ же вздорнымъ и вредоноснымъ фетишемъ, какимъ были папство и единая католическая церковь, до революціоннаго движенія за свободу мысли

и совѣсти въ эпоху реформаціи. При этомъ Энгельсъ узналъ, что и нашъ геніальный романистъ Л. Н. Толстой страшно популяренъ за свою проповѣдь противъ государства; да и проклятые анархисты, которыхъ столько разъ уничтожали онъ самъ и Марксъ, Либкнехтъ и Авелингъ, Плехановъ и Утинъ, и многое множество другихъ героевъ чести научной и политической... что и проклятые анархисты становятся все многочисленнѣе, даже въ Германіи; что въ Западной Европѣ всѣ *революціонеры* оставляютъ знамя государственнаго соціализма и примыкаютъ къ анархистамъ, т. е. къ коммунистамъ революціонерамъ, борющимся противъ капитала и государства одновременно. Вотъ онъ и рѣшилъ, что такую богатую мысль нельзя оставить безъ клейма діалектическаго содружества. На этотъ разъ, однако, онъ понялъ, что нельзя и отрицаніе государства записать за Марксомъ, за проповѣдникомъ государства и централизма. Тогда онъ геройски возвѣстилъ удивленнымъ читателямъ и своимъ удрученнымъ горемъ діалектическимъ послѣдователямъ, что въ будущемъ:

„Общественные классы исчезнутъ, и съ ними „вмѣстѣ разрушится и государство. Когда общест-„во создастъ производство на началахъ свободной „ассоціаціи равноправныхъ производителей, тогда „всю государственную машину сдадутъ въ музей „древностей, вмѣстѣ съ прялкой и бронзовымъ „топоромъ.“ „Uive l'Anarchie!“

Виноватъ! Это я крикнулъ невольно. Но тутъ же и вспомнилъ, что Энгельсъ по забывчивости увлекся и приписалъ себѣ свѣтлую перспективу общества, намѣченную Морганомъ. Говорю по забывчивости, потому что „Коммунистическій Манифестъ“, о происхожденіи котораго рѣчь впереди, и который считается безсмертнымъ дѣтищемъ Маркса и Энгельса—требовалъ настоятельно и категорически:

„Обращенія поземельной ренты на покрытіе „государственныхъ расходовъ;

Централизацію кредита въ рукахъ государст-„ва... и исключительную монополію — перевозоч-„ныхъ средствахъ въ рукахъ государства.

„Увеличеніе числа государственныхъ фабрикъ

„и орудій производства; воздѣлываніе полей по „общему (государственному?) плану...

„Учрежденія арміи труда, особенно для земле-„дѣлія.“

Замѣтимъ, Манифестъ писанъ въ анварѣ 1848 г., т. е. спустя два года (съ 1845) послѣ открытія и выработки Марксомъ и Энгельсомъ всего того, что Морганъ разработалъ въ своемъ удивительномъ трудѣ. Какимъ образомъ авторы манифеста могли требовать усиленія государства, государственнаго производства, государственной монополіи, созданія государственной арміи труда, въ особенности для земледѣлія, ежели они еще въ 1845 г. пришли къ выводу, что государство должно исчезнуть, что прогрессъ ведетъ къ этому, и что всякій другъ прогресса, равенства и соціализма долженъ содѣйствовать ускоренію разрушенія государства, „сдачи его въ музей“, а не къ его усиленію и увѣковѣчиванію? И почему эти удивительные открыватели всю жизнь неуклонно боролись противъ Прудона, Бакунина, Юрской Федераціи и всѣхъ анархистовъ, именно за то, что послѣдніе требовали разрушенія государства? Почему они неустанно натравляли на названныхъ революціонеровъ-коммунистовъ Либкнехта и Авелинга, Лафарга и Иглезіаса, Н. Утина и Плеханова? — они, еще въ 1845 г. предвосхитившіе книгу Моргана!.. Почему?.. Видно, тоже по забывчивости!..

Ну, а вотъ слѣдующій пассажъ—тоже плодъ забывчивости? Пусть судятъ честные люди. Затѣмъ мы и книгу нашу имъ посвящаемъ.

Ревниво стараясь создать славу величія Марксу, Энгельсъ не могъ ограничиться однимъ присвоеніемъ своему другу отдѣльныхъ замѣчательныхъ мыслей и произведеній дѣятелей индуктивной науки, безкорыстныхъ и глубокомысленныхъ изслѣдователей истины. Ему понадобилось поставить Маркса рядомъ съ Ньютономъ и другими великими благодѣтелями человѣчества. Послушать Энгельса, такъ Марксъ былъ однимъ изъ тѣхъ геніевъ, открывателей новыхъ путей развитія человѣчества, которыхъ въ старину люди обоготворяли. До Маркса-де въ соціологіи была тьма, въ соціализмѣ — фантастическая утопія. Пришелъ онъ, неразлучно спа-

янный органически съ Энгельсомъ, и науки процвѣли, соціализмъ сталъ наукой, все благодаря его великимъ открытіямъ. Но пусть говоритъ самъ Энгельсъ.

„Двумя великими открытіями — матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи и разсблаченіемъ, посредствомъ понятія о прибавочной стоимости, тайны капиталистическаго производства,— мы обязаны Марксу“ (Развитіе Научнаго Соціализма. Стр. 25. Женева 1884 г.).

Объ историческомъ матеріализмѣ рѣчь впереди. А теперь поговоримъ о прибавочной стоимости.

„Какъ понять эту фразу? Открыты ли были Марксомъ „Матеріалистическое пониманіе исторіи“ и понятіе о прибавочной стоимости? или же только тайна капиталистическаго производства? Для разрѣшенія недоумѣнія обратимся къ *„великому“* произведенію Энгельса „Herrn Eugen Dühring's Umwälzung Wissenschaft. Zurich. 1886 *). На страницѣ 197, строка 6, снизу и выше до 11, мы находимъ объясненіе идеи о прибавочной стоимости кончается объясненіе словами: „und diesen Zuwachs n e n n t Marx Mehrwerth.“

Тутъ ужъ не можетъ [быть сомнѣнія: Марксъ *„назвалъ“*, значитъ, открылъ самое понятіе и терминъ ему научный нашелъ. Очевидно, до него въ экономической наукѣ и у соціалистовъ ни понятій о прибавочной стоимости, ни термина не существовало. Это ясно.

Но вотъ что странно: нѣмецкое слово Mehrwerth переводится на французскій языкъ surplus-value; тоже и на англійскомъ оно будетъ surplus-value. Въ 1819 г., за годъ до рожденія Энгельса, одинъ изъ благороднѣйшихъ экономистовъ-историковъ Симонъ де Сисмонди обнародовалъ свое знаменитое, такъ часто цитированное, „Nouveaux princips d'Economie politique“, въ которомъ чернымъ по бѣлому пропечатано surplus-value. Что разумѣлъ Сисмонди подъ этимъ терминомъ?—А ту часть неоплаченнаго труда, которую подъ указанной формой грабежа называютъ прибылью хозяина. Что Сисмонди понималъ именно въ этомъ смыслѣ surplus-value свидѣтельствуетъ также и Гекторъ Дени**), писатель съ

**) H. Denis. Histoire des systemes socialistes'

*) Въ Лейпцигскомъ изд. 1878 г., на стр. 175, строка 7-я сверху.

симпатіями къ школѣ Энгельса*). Но, прибавляетъ Дени, еще физіократы прекрасно опредѣлили эту часть не оплаченнаго труда и, подобно Адаму Смиту, называли его produit net прибыль). Такое же ясное понятіе объ excédent мы находимъ у Дж. Ст. Милля. Не углубляясь далеко, достаточно напомнить то мѣсто его введенія, гдѣ онъ говоритъ о грабительствахъ деспотизма и насилія.

„Обыкновенно, говоритъ Милль, excédent всѣхъ видовъ „отбирается у производителя, или правительствомъ, или „же частными лицами, сумѣвшими, *насиліемъ и обманомъ* „и при помощи религіозныхъ предупрежденій и вкорененныхъ, обычаевъ подчиненности ихъ сосѣдей, превратиться въ обладателей земли.“

Замѣтимъ, мимоходомъ, что Дж. Ст. Милль переведенъ на нѣмецкій языкъ въ 1851—52 г.г.. и этотъ пассажъ находится на стр. 13-й третьяго издан. 1869 г.— Но Милль, Ад. Смитъ, Сисмонди были *буржуа*, а не „научные“ діалектики, и ихъ соціаль-демократы игнорируютъ. Посмотримъ у соціалистовъ.

Вотъ книга знаменитаго коммуниста и друга Роберта Овена, Вилльяна Томсона „Social Science, Inquiry и проч.“, изданная въ 1824 г. и вышедшая вторымъ изданіемъ въ 1850, третьимъ въ 1869. Вся аргументація автора построена на мысли, повторенной Миллемъ, что насиліемъ, обманомъ и ухищреніями у производителя отбирается прибавочная стоимость его труда. Томсонъ и формулу употребляетъ настоящую, и самое слово прибавочная стоимость изобрѣтенное Марксомъ послѣ 1845 г., служитъ терминомъ точной аргументаціи въ 1824 г. Трудъ Томсона не брошюрка, а большой томъ 600 стр. Марксъ хорошо былъ знакомъ съ нимъ и цитируетъ его „Misére de la philosophie“ и въ „Капиталѣ“. Ад. Бланки въ „Исторіи Полит. Экономіи“ говоритъ о Томсонѣ какъ о смѣломъ и глубокомысленномъ авторѣ. Вѣнскій проф. Менгеръ указалъ нѣмцамъ на сочиненіе Томсона; Луиджи Косса внесъ его въ свою „Исторію Политической Экономіи“... Словомъ, книга извѣстная **).

*) Sismondi a démontré que si l'on déduit les frais de production de la valeur d'échange d'un produit, il en restera un excédent approprié par le capitaliste. Cet excédent du travail, Sismondi l'appelle surplus-value.

**) У англичанъ Томсонъ хорошо извѣстенъ. Объ немъ говоритъ и Милль въ своей „Автобіографіи“, ссылаются на него Сидней Веббъ, Голіокъ, Гиббинсъ и другіе.

Установивъ, согласно съ Адамомъ Смитомъ, что только трудъ творитъ богатство и только *трудъ* есть *мѣрило цѣнности*, Томсонъ спрашиваетъ: „Почему производитель не обладаетъ продуктомъ въ его полной стоимости? (ст. 32)—Потому, отвѣчаетъ онъ, что подъ различными наименованiями — рента, прибыль и т. п.—у него отбираютъ всю прибавочную стоимость его труда“— „Добровольно ли соглашается производитель на этотъ грабежъ? или онъ вынужденъ къ тому насилiемъ? — Грубое насилiе было всегда въ ходу при захватѣ продуктовъ труда бѣдныхъ. Исторiя вполнѣ подтверждаетъ эту горькую истину; тысячи страницъ можно наполнить примѣрами... Если признать законнымъ право захвата части продукта противъ воли производителя, придется признать право захвата и большей части (стр. 34—35). Безъ насилiя монополiя не могла бы существовать (стр. 106). Покуда будетъ существовать капитализмъ, общественный строй будетъ строемъ патологическимъ (449)“... Какъ „*утопистъ*“, Томсонъ проповѣдывалъ полное освобожденiе человѣка. „Вольный трудъ, полное обладанiе продуктовъ труда, и свободный, добровольный обмѣнъ между производителями“, рекомендуетъ онъ (стр. 253).

Другой „утопистъ“, да еще вдобавокъ „софистъ“ и „буржуа“, по словамъ Энгельса и его школы, Прудонъ, съ своей обычной рѣзкостью говоритъ:

„Въ смыслѣ экономической науки, мы признали, вслѣдъ за Ад. Смитомъ, что всѣ цѣнности измѣряются трудомъ (стр. 86)... Въ этомъ же экономическомъ значенiи слова, принципъ, по которому всякiй трудъ долженъ оставить (хозяину), akcèdent есть въ дѣйствительности конституцiонное право, добытое революцiей, грабить ближняго“ (стр. 90). По этому Прудонъ и говоритъ, что „собственность есть кража!“

Третiй „утопистъ“, великiй „узникъ XIX столѣтiя“, Огюстъ Бланки, такъ ужъ прямо говорилъ еще въ сороковыхъ годахъ, что капиталъ вообще не „трудъ сбереженный“, а „накраденный трудъ“.

Вотъ голые факты о прибавочной стоимости. Она — достоянiе науки. Какъ только могла подняться рука у

Энгельса, чтобы написать подобный вздоръ? Или онъ не подозрѣвалъ о существованіи всей экономической литературы? Въ такомъ случаѣ, онъ былъ грубый невѣжда. Но соціальдемократическая литература увѣряетъ, насъ, что Энгельсъ такъ же ученъ и великъ, какъ самъ величайшій Марксъ. Если это вѣрно, значитъ, онъ зналъ, что прибавочная стоимость была открыта не Марксомъ и, печатая „und diesen Zuwachs nennt Marx Mehwerth", онъ завѣдомо извращалъ факты... Приходится только руками развести и сказать: Странный глава научнаго соціализма!.. Но послѣдующее еще страннѣе.

Всѣ мы, просто образованные люди, читавшіе кое что, знаемъ, что еще Тюрго въ XVIII столѣтіи намѣтилъ законъ, по которому „во всѣхъ родахъ наемнаго труда заработанная плата неизбѣжно ограничивается самымъ необходимымъ для существованія работника." Въ началѣ этого столѣтія (1812), Рикардо развилъ формулу Тюрго въ цѣлую теорію заработной платы, а классическая политикоэкономическая школа Адама Смита внесла ее въ науку, какъ законъ Рикардо. Такъ изложенъ онъ у Дж. Ст. Милля въ его знаменитомъ трудѣ, такъ изложенъ онъ у Лавелэ въ его учебникѣ „Eléments d'Economie politique" (1882); такъ излагалъ его Марксъ въ „Misère de la philosophie", когда онъ авторитетомъ Рикардо силился посрамить Прудона. „Естественнан цѣна труда есть ничто иное, говорилъ онъ, какъ минимумъ заработной платы" *). Такъ излагалъ его блестящій Лассаль. „Вотъ онъ, этотъ желѣзный законъ данный авторитетомъ (Рикардо) политической экономіи. Онъ осуждаетъ рабочій классъ на нищету безъисходную."

Но куда раньше Лассаля, Лавелэ, Маркса и Милля говорили объ этомъ законѣ французскіе и англійскіе соціалисты и публицисты. Напримѣръ, Е. Бюре. Его книга (два тома) „О нищетѣ трудящихся классовъ въ Англіи и во Франціи", увѣнчанная французской академіей наукъ, считалась классическимъ трудомъ всѣми соціалистами и политическими дѣятелями сороковыхъ годовъ. Появившись за четыре года до книги Энгельса „Положеніе Рабочаго Класса въ Англіи", книга Бюре

*) Стр. 26.

послужила молодому Энгельсу (ему тогда было 20 лѣтъ) образчикомъ и неисчерпаемымъ источникомъ для его нѣмецкой компиляціи, хотя объ этой замѣчательной книгѣ Энгельсъ умалчивалъ, на что у него было много причинъ.

Въ своемъ блестящемъ анализѣ условій, порождающихъ нищету, Бюре между прочимъ разбираетъ и экономическія условія. Установивъ, что въ капиталистическомъ обществѣ: „трудъ, говоря иначе, *жизнь людей стала товаромъ*, цѣна которому неизмѣнно устанавливается отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ“ (Т. 1 стр. 176), Бюре продолжаетъ: „экономисты вообще устанавливаютъ извѣстную неизмѣняемую норму заработной платы, называемую ими необходимой стоимостью производства. Рикардо утверждаетъ положительно, что въ данномъ обществѣ... заработная плата должна упасть до минимума, необходимаго для удовлетворенія самыхъ первыхъ потребностей.“ (стр. 179—180 idem.).

Такъ говорили ученые, наука, публицистика, соціализмъ; такъ думали и мы, простые смертные. Но, оказывается, всѣ грубо ошибались. Заблуждалась наука, врали публицисты и соціалисты:—не Тюрго формулировалъ, не Рикардо развилъ, не Милль, Бюре, Лавелэ излагали... Нѣтъ, законъ былъ открытъ только въ 1844 г., а кѣмъ?—пусть повѣдаетъ намъ самъ Энгельсъ. На страницѣ 26 русскаго перевода, подъ редакціей г. Плеханова „Нищеты Философіи“ Маркса есть большое примѣчаніе Энгельса гласящее:

„Законъ, по которому „естественная“, т. е. нормальная цѣна рабочей силы (?) совпадаетъ съ минимумомъ заработной платы, т. е. съ эквивалентомъ стоимости средствъ существованія, безусловно необходимыхъ для жизни рабочаго и продолженія его расы.

„*Этотъ законъ былъ впервые установленъ мною* въ „Umrissén zu einer Kritik der Nationaloekonomie“ (Paris 1844) и въ „Lage der arbeitenden Klasse in England.“ Какъ видно изъ вышеизложеннаго, Марксъ признавалъ тогда этотъ законъ. Отъ насъ обоихъ заимствовалъ его Лассаль“.

Что это такое?—измѣна ли памяти? презрѣніе ли къ читателю? или абсолютное невѣжество самого Энгельса?

Его юношеское „Umrissen“ и Lage der arbeitenden Klasse in Engeand“—слабыя компиляціи по книгѣ Бюре. Когда молодой Энгельсъ составлялъ ихъ для нѣмецкихъ рабочихъ, онъ совершалъ прекрасное дѣло, — въ Германіи тогда о соціализмѣ и рабочемъ движеніи мало что было извѣстно, и его книга, хотя и компиляція, была очень крупнымъ событіемъ въ исторіи распространенія соціализма въ Германіи. Мы охотно признаемъ заслугу за его книгой. Но вѣдь и у насъ въ Россіи въ шестидесятыхъ годахъ появились совершенно такія же компилятивныя работы Н. Шелгунова и А. Михайлова, и работы этихъ писателей сослужили громадную службу въ пробужденіи русской соціалистической мысли. Но скажите на милость, что бы мы подумали о названныхъ почтенныхъ русскихъ писателяхъ, если бы они вздумали, по прошествіи сорока лѣтъ приписывать себѣ открытіе прибавочной стоимости, законъ заработной платы, труды Моргана, Томсона, Тюрго, Рикардо и прочихъ мыслителей? А вѣдь Энгельсъ продѣлываетъ именно это присвоеніе. И это Наука? научность? соціализмъ? правда?

Видно Энгельсъ принималъ своихъ читателей за грубыхъ невѣжественныхъ троглодитовъ вѣка каменныхъ орудій...

Глава IV.

Борьба классовъ.

Приписавъ Марксу и себѣ самому столько открытій въ исторіи, экономикѣ, соціологіи и въ области общихъ процессовъ эволюціоннаго развитія культуры, Энгельсъ могъ бы и успокоиться, опочить на лаврахъ. Зданіе научности марксизма, воздвигнутое по изслѣдованіямъ и обобщеніямъ Моргана, Сисмонди, Томсона, Тюрго, Рикардо и другихъ, вышло грандіознымъ. Но Энгельсъ этимъ не удовольствовался: понадобилось увѣнчать трудъ вѣнкомъ неувядаемой славы. Онъ принялся за работу и совершилъ ее мастерски. На это ему понадобилось всего полъ-страницы предисловія (опять предисловіе)! къ третьему нѣмецкому изданію „Коммунистическаго Манифеста“ 1883-го года. Собственно говоря, понадобилось и того меньше — только 12 строчекъ, но за то какихъ удивительныхъ строчекъ!... Вотъ онѣ:

1. Основная мысль, пропитывающая собою весь манифестъ *), та, 1) что въ каждую данную историческую эпоху экономическое производство и неизбѣжно обусловливаемое имъ строеніе общества составляетъ основу политической и умственной исторіи; 2) что соотвѣтственно этому, вся исторія, съ тѣхъ поръ какъ разложилось первобытное общинное землевладѣніе, было исторіей классовой борьбы, т. е. борьбы между эксплуатируемыми и эксплоататорами, подчиненными и господствующими классами на различныхъ ступеняхъ развитія; 3) но что эта борьба достигла той ступени, на которой эксплуатируемый и угнетаемый классъ (пролетаріатъ) не можетъ освободить себя отъ эксплуатирующаго его класса (буржуазіи), не освободивъ въ то же время и на всегда всего общества отъ эксплуатаціи, угнетенія и классовой борьбы, — эта основная мысль принадлежитъ единственно и исключительно Марксу.“

*) Цитируемъ по переводу г. Плеханова. 1900 г. Женева.

Удивительное сплетеніе вѣнка славы. По логическому построенію, въ этомъ періодѣ не одна основная мысль, а цѣлыхъ три: объ экономическихъ факторахъ въ цивилизаціи, о борьбѣ классовъ въ исторіи и въ современномъ обществѣ, и о соціальномъ строѣ будущаго общества. Первую мысль самъ Энгельсъ кладетъ въ основу имъ изобрѣтенному діалектическому, матеріалистическому объясненію исторіи. „Матеріалистическое пониманіе исторіи, говоритъ онъ**), зиждется на томъ положеніи... что въ каждомъ историческомъ обществѣ распредѣленіе продуктовъ, а съ нимъ и образованіе классовъ или сословій зависитъ отъ того, какъ и что производится обществомъ и какимъ способомъ обмѣниваются продукты“. По какой логикѣ основное положеніе цѣлой мнимо научной историко-философской доктрины Энгельсъ превратилъ въ одинъ изъ трехъ элементовъ якобы новой конкретной мысли? Тоже слѣдуетъ спросить, почему ученіе великихъ отцовъ соціализма, по которому въ солидарномъ и коммунистическомъ обществѣ не тотъ или другой классъ, а все человѣчество будетъ объединено въ свободныхъ ассоціаціяхъ равноправныхъ и просвѣщенныхъ людей безъ различія расы и языка... почему, спрашивается, эту великую и гуманитарную мысль, марксистами осмѣянныхъ утопистовъ (Овена, С. Симона и Фурье), Энгельсъ включилъ тоже простымъ элементомъ все той же мнимо новой конкретной мысли? А затѣмъ, остается третья, тоже самостоятельная мысль, а вѣрнѣе цѣлое политико-историческое ученіе о роли городовъ и общинъ, третьяго сословія и народа въ прогрессивномъ развитіи европейской политики и гражданственности. И это ученіе не можетъ быть принято третьимъ составнымъ элементомъ конкретной *одной* мысли. Оно само является вполнѣ законченнымъ направленіемъ исторической науки XIX-го ст. и составляетъ видный отдѣлъ философіи исторіи и права.

Но Энгельсъ увѣряетъ, что все вмѣстѣ составляетъ только одну мысль и принадлежитъ она „*единственно* и *исключительно* Марксу,“ Отсюда логическій выводъ: экономическое объясненіе исторіи, настоящій соціализмъ

**) Энгельсъ. Развитіе научнаго соціализма. Стр. 23.

и ученіе о борьбѣ классовъ тоже открыты Марксомъ. Если къ этимъ великимъ открытіямъ прибавить выше приведенныя: эволюцію семьи и собственности (по Моргану), прибавочную стоимость (по Сисмонди, Томсону и друг.), законъ заработной платы (по Тюрго-Рикардо), то получимъ, что Марксъ и Энгельсъ открыли всѣ законы соціальнаго и историческаго развитія человѣчества. Это обыкновенно и повторяютъ неустанно своимъ читателямъ и слушателямъ публицисты и ораторы соціаль-демократіи. Честные и талантливые рабочіе, у которыхъ, за каторжнымъ трудомъ на хозяевъ, не было ни досуга ни средствъ провѣрить слова Энгельса, приняли за чистую монету всѣ его странныя утвержденія. Такъ Бебель совершенно искренно пишетъ въ своей книгѣ „Женщина“:

„Германія стала руководительницей человѣчества въ гигантской борьбѣ грядущаго. По самому географическому положенію и по ея развитію ей предопредѣлена эта роль... То не простая случайность, что динамическіе законы общественнаго развитія и научный базисъ соціализма были открыты и положены нѣмцами. Первое мѣсто между этими нѣмцами принадлежитъ Марксу и Энгельсу, за ними слѣдуетъ Лассаль, какъ организаторъ рабочихъ массъ.“

Лассаль только организаторъ, открыватели законовъ исключительно Марксъ и Энгельсъ. Такъ говоритъ умный, искренній и талантливый ораторъ-рабочій, повѣрившій на слово Энгельсу. Еще поразительнѣе хвастовство діалектическихъ публицистовъ. „Открытіе Марксомъ законовъ движенія капиталистическаго способа производства“, говоритъ панегеристъ Энгельса*), „является такимъ же непреходящимъ научнымъ фактомъ, какъ открытіе Кеплеромъ и Ньютономъ закона движенія небесныхъ тѣлъ.“ Марксъ и Ньютонъ! И только? Гдѣ же самъ Энгельсъ? А тутъ же, съ Марксомъ, „Мы можемъ“, продолжаетъ панегиристъ, „говорить лишь о теоріи и методѣ *Маркса-Энгельса*, не имѣя возможности раздѣлить ихъ и найти, что именно принадлежитъ каждому въ отдѣльности.“ (стр. IV.) Они слиты во едино, эти близнецы діалектической метафизики,

*) Научное развитіе Соціализма. Стр. XIV. Изд. 1892.

открывшіе всѣ динамическіе законы общественнаго развитія. Вотъ куда привела Энгельсомъ созданная легенда объ открытіяхъ по Моргану, Томсону, Тюрго и Рикардо, вотъ что увѣнчалъ его лучезарный вѣнокъ *одной* мысли!.. Но о легендахъ и претензіяхъ рѣчь впереди. Тоже впослѣдствіи разберемъ два элемента *„одной конкретной мысли“*—экономическое объясненіе (діалектико-матеріалистическое, по Энгельсу) исторіи, и о грядущемъ соціальномъ освобожденіи, т. е. объ идеалахъ и ученіяхъ „утопистовъ“: Овена С-Симона и Фурье. Теперь остановимся на третьемъ элементѣ *одной* мысли—на борьбѣ классовъ, борьбѣ „между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими“, открытой Марксъ-Энгельсомъ (по орфографіи панегириста).

Борьба классовъ, ихъ происхожденіе и ростъ, ихъ историческая роль въ развитіи политическихъ и муниципальныхъ учрежденій и вольностей были блестящи разработаны французскими историками-эволюціонистам начала XIX-го ст. Выдвинуть на первый планъ ученіе объ естественномъ ходѣ развитія человѣчества, указать какъ на могущественный факторъ эволюціи за освобожденіе, нѣкогда покоренныхъ и обращенныхъ въ рабовъ, населенія Италіи, Франціи и Англіи — было великимъ пріобрѣтеніемъ для исторической науки. Вплоть до второй половины XVIII-го ст. въ исторической наукѣ господствовало богословское ученіе о божественномъ промыслѣ, создавшемъ классы и привилегіи для немногихъ, рабство же и нищету для народа. Теологическое воззрѣніе на исторію было такъ распространено, законность и разумность существующаго общественнаго строя грабительства и порабощенія народнаго находили такимъ благодѣтельнымъ твореніемъ божественнаго промысла, что правящіе выдавали всѣ свои акты „милостію божіею“, по волѣ провидѣнія, а попы и ученые освящали ихъ текстами писанія, т. е. сказками и афоризмами полудикихъ номадовъ Палестины. Но не только теологи и попы, а даже и такой благородный и геніальный другъ человѣчества какъ Лессингъ разсматривалъ историческій процессъ въ формѣ поступательнаго расширенія божественнаго от-

кровенія*). Это же ученіе о сверхъестественномъ и разумномъ будто бы процессѣ творенія и развитія общества проповѣдывалъ позднѣе Гегель, замѣнившій бога номадовъ міровымъ духомъ, а откровеніе—феноменологіей духа, причемъ не преминулъ повторить и увѣреніе теологовъ, что все *существующее* отъ бога-ли, или отъ духа, *„разумно“*.

Противупоставить теологическому фатализму застоя динамическую систему эволюціоннаго развитія было громаднымъ прогрессивнымъ явленіемъ, хотя и вполнѣ естественнымъ послѣ великаго умственнаго движенія энциклопедистовъ и только что закончившейся Великой революціи, демократическое наслѣдіе которой хотѣла вытравить изъ жизни реставрація монархій и теологіи. Молодая школа историковъ—Огюстэнъ Тьерри, Сисмонди, Минье, Гизо, Дюпуаіе, Каррель и другіе оказали громадную услугу политическому либерализму и демократіи, разработавъ историческое развитіе борьбы классовъ, какъ *одинъ изъ факторовъ* эволюціи культуры и общественности. Они возсоздали жизнь, нравы, учрежденія и ходъ борьбы за освобожденіе угнетенныхъ народовъ Италіи, Франціи, Англіи и другихъ странъ. Роль коммунъ, гильдій и сословій была изслѣдована самымъ тщательнымъ образомъ, и демократія нашла въ трудахъ историковъ могущественный аргументъ противъ абсолютизма и сословныхъ привилегій: общины, третье сословіе, народъ явились созидателями національной жизни и національнаго богатства, слѣдовательно они и должны управлять судьбами страны,—таковъ былъ этотъ аргументъ демократіи, друзей, „Народоправства“, выражаясь терминомъ Костомарова.

Но одновременно съ ученіемъ о классовой борьбѣ, подъ вліяніемъ событій Великой революціи стало складываться другое ученіе, гораздо глубже заглянувшее въ смыслъ историческаго прошлаго и процессовъ экономической и соціальной жизни настоящаго. Ученіе это—соціализмъ, первыми практическими, очень несовершенными, представителями котораго явились Бабефъ и его друзья, члены знаменитаго заговора „равныхъ“.

---

*) Смотри его „Воспитаніе Человѣчества“.

По ихъ воззрѣніямъ, переданнымъ демократіи А. Буонаротти, всѣ общественные классы жили и живутъ на трудѣ народа; всѣ классы пользовались народомъ и его кровью для осуществленія своихъ классовыхъ интересовъ, оставляя производителя всегда въ положеніи раба, прикованнаго къ землѣ, мастерской и фабрикѣ ради обогащенія правящихъ и буржуазіи. Народъ совершалъ революціи за революціями, совершилъ, наконецъ, Великую Революцію, разрушая Бастилію и замки дворянъ и прелатовъ, сжигая документы привилегій и безправія; народъ провозгласилъ свободу, равенство и братство, а самъ остался все тѣмъ же бѣднякомъ, работникомъ на другихъ, голоднымъ, безправнымъ паріа. Почему это? спросили соціалисты. — Потому что безъ равенства экономическаго не можетъ существовать ни свободы, ни справедливости; равенство же экономическое достижимо только обращеніемъ земли и всѣхъ фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ, домовъ, лавокъ, товаровъ и орудій труда въ общественную (соціальную) собственность. Для осуществленія соціалистическаго равенства всѣ классы и классовыя учрежденія должны быть уничтожены немедленно же самымъ актомъ революціоннаго захвата всѣхъ богатствъ. Такимъ образомъ, соціализмъ выставилъ на мѣсто историческихъ терминовъ „классъ и классовые интересы“, новый принципъ экономическаго и соціальнаго равенства и уничтоженіе эксплуатаціи человѣка, а послѣднее, по этикѣ классовъ, практикуется не только между людьми разныхъ классовъ, но и въ нихъ самихъ. Дворянство, буржуазія, духовенство прекраснѣйшимъ манеромъ объегориваютъ и раззоряютъ другъ друга, да и рабочіе, и даже соціалисты рабочіе, развѣ не эксплуатируютъ своихъ братьевъ при наймѣ помощниковъ и прислуги? Понятіе о классѣ уступило мѣсто принципамъ, идеаламъ. Теперь борятся не классы, а партіи, объединяющія подъ своимъ знаменемъ людей различныхъ классовъ.

Великая Революція нанесла смертельный ударъ классовому строю въ историческомъ смыслѣ слова. Кастовая замкнутость и градація, привилегіи и аттрибуты исчесли. Соединенные Штаты ихъ не знаютъ; въ Швейцаріи они существуютъ фиктивно; даже въ Англіи и

во Франціи ихъ кастовые аттрибуты прогрессивно атрофируются. Въ наши дни цивилизованное человѣчество дѣлится не на классы, а на два лагеря: въ одномъ соединились всѣ имущіе, эксплуатирующіе и правящіе; въ другомъ—производители, управляемые, эксплуатируемые. Въ соціалистической литературѣ первы разсматриваются подъ общимъ родовымъ названіем „буржуазія“, вторые составляютъ народъ. Интерес народа, производителя, прямо противоположны интересамъ буржуазіи, такъ какъ послѣдняя живетъ и богатѣетъ народнымъ трудомъ. Соціализмъ и поставил себѣ цѣлью освобожденіе, не того или другого класс а всего народа отъ эксплуатаціи и грабительства.

Самое понятіе о классахъ и ихъ численности стал крайне смутнымъ. Каждый опредѣляетъ ихъ по своем Такъ, Марксъ насчитываетъ до 14 классовъ (феодал ная аристократія, поземельная, духовенство, мелку буржуазію, крупную финансовую, крупную индустріал ную, крестьянство крупное, оно же мелкое; этихъ по слѣднихъ онъ еще дѣлитъ на крѣпостныхъ и батраковъ; потомъ идетъ пролетаріатъ). Ученики Маркс самый пролетаріатъ подѣлили на четвертый классъ и Люмпенъ-Пролетаріатъ (оборванцы, босяки), и ненависть господъ 4-го класса къ босякамъ и къ крестьянству едва-ли не сильнѣе презрѣнія дворянства и духовенства къ третьему сословію до революціи Господа четвертаго сословія—соціальдемократы—запутались не только въ фиктивномъ счетѣ классовъ, но они и самую идею соціалистической борьбы извратили.

Соціалисты, а также историки и экономисты (Юмъ, Ад. Смитъ, Бланки, Роджерсъ) выработали воззрѣніе, что въ основѣ всякой политической и классовой борьбы лежатъ экономическіе интересы. Отсюда логически вытекаетъ соціалистическое обобщеніе, по которому соціальное освобожденіе народа можетъ быть осуществлено только путемъ экономическаго освобожденія. т. е., уничтоженіемъ частнаго обладанія землей, капиталами и орудіями труда, совмѣстно съ уничтоженіемъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, обществомъ, государствомъ. Нѣмецкіе же соціальдемократы, особенно Энгельсъ, не разобравъ въ чемъ дѣло, ухватились за французскій

политико-исторический терминъ „la lutte des classes“ и построили слѣдующій софизмъ, положенный ими въ основаніе ихъ тактики борьбы классовъ: „Всякая экономическая борьба есть борьба классовая; всякая борьба классовъ есть борьба политическая“... ergo, экономическая борьба есть борьба политическая, а въ конституціонныхъ странахъ она должна быть легальной и парламентской. Благодаря этой перестановкѣ, классоборцы-политики отдались исключительно парламентаризму и очень долго враждовали съ экономическими профессіональными организаціями синдикатовъ, трэдъ-юніоновъ, производительныхъ ассоціацій, которымъ на дѣлѣ принадлежитъ будущее, такъ какъ въ солидарномъ соціалистическомъ обществѣ будущаго, государственный и классовой строй замѣняется организованнымъ производствомъ на началахъ вольныхъ союзовъ работниковъ данной спеціальности. Союзы, синдикаты, юніоны, а равно и ассоціаціи—не специфическая принадлежность того или другого класса. Ими одинаково пользуется буржуазія (синдикаты, тресты, картели, компаніи) и производители, какъ ремесленники и фабричные, такъ равно и земледѣльцы. Ассоціація и союзы—форма солидарной жизни неклассоваго будущаго. Они замѣнили цехи и гильдіи классового строя, о которыхъ писали историки городовъ и коммунъ, между прочимъ и Огюстэнъ Тьерри, Гизо, Сисмонди и другіе.

Названные представители ученія о борьбѣ классовъ никогда не признавали принциповъ и идеаловъ соціалистовъ. Правда, Огюстэнъ Тьерри и Адольфъ Бланки въ ранней молодости были подъ вліяніемъ С. Симона и на всю жизнь остались честными друзьями угнетеннаго народа и рабочихъ классовъ, но никогда не выступали они чистыми соціалистами, а тѣмъ паче не выступали соціалистами революціонерами, какъ то сдѣлалъ братъ Адольфа Бланки—Огюстъ, великій узникъ XIX ст.*)—Если его лучшіе излагатели—напр. Гизо—были врагами соціализма и соціальной революціи, то спрашивается, какая тутъ честь для соціалиста подставить на мѣсто

*) О. Бланки 37 лѣтъ провелъ въ тюрьмахъ королевства, имперіи и второй и третьей республики.

соціальной революціи, съ равенствомъ экономическимъ, формулу политическаго демократизма—классовую борьбе? На шагъ ли это назадъ къ буржуазнымъ идеаламъ? Не реакція ли мысли вставлять соціалистическое ученіе объ уничтоженіи классовъ въ формулу политическаго либерализма? Вѣдь бороться классы могутъ за самые разнообразные интересы и даже за предубѣжденія. За примѣрами ходить не далеко. Возьмемте тѣхъ же соціалъ-демократовъ и нашихъ діалектиковъ марксизма. Куда пришли они съ классовой борьбой? Что подставили первые вмѣсто соціальной революціи, экономическаго равенства и уничтоженія эксплутаціи человѣка государствомъ. капиталомъ, человѣкомъ?—А подставили восьми часовой *наемный* трудъ на того же хозяина. Развѣ это соціализмъ? А наши діалектики—всѣ Бельтовы, Плехановы н содружество, съ кѣмъ они борятся вотъ уже двадцать лѣтъ?—Проглядите „Нашн разногласія", книжки „Соціаль-Демократа", книгу Бельтова, ихъ докладъ Брюсельскому Конгресу 1891 г. книжки „Зари", всѣ №№ Искры" и вы увидите, что о соціализмѣ и его идеалахъ тамъ и помину нѣтъ, критикѣ капитализма и политическаго безправія отведено очень мало мѣста, но за то тамъ ключемъ бьетъ неизсякаемая злоба и вражда къ русскимъ соціалистамъ-революціонерамъ, осмѣлившимся вмѣсто восьми часавого рабочаго дня требовать передачу земли народу, фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ рабочимъ ассоціяціямъ и артелямъ. Что ихъ привело къ этой нескончаемой враждѣ? Конечно, не соціализмъ, а предупрежденія о мнимыхъ классовыхъ интересахъ, о мнимой тактикѣ классовой борьбы.

Вотъ почему мы считаемъ реакціей противъ соціализма и его идеаловъ проповѣдь, ничего конкретно не выражающаго политическаго термина буржуазнаго либерализма. Но допустимъ, что классовая борьба такая панацея. Что же это Марксъ-Энгельсъ что-ли открыли ее? и Огюстэнъ Тьерри, Гизо, Бланки и другіе были марксистами что-ли? Или Энгельсъ, опять по забывчивости, однимъ почеркомъ пера приписалъ труды и открытія цѣлой исторической школы предшествовавшаго поколѣнія Марксу и себѣ?.. Да вѣдь это чудовищно, даже для за-

бывчивости Энгельса. Теперь и наши діалектики начинають признавать, что не ихъ учителями совершенно открытіе; и они начали цитировать французскихъ историковъ, сочиненія которыхъ были переведены на русскій языкъ въ шестидесятыхъ годахъ, а спеціалистами, напр. Грановскимъ, Кудрявцевымъ Костомаровымъ и другими изучались уже въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Поэтому мы не станемъ утомлять читателей цитатами. Достаточно указагь, что О. Тьерри особенно блестяще развилъ свои мысли въ Histoire véritable de Jacques Bonhomme (т. е. французскаго народа), напечат. въ 1820 г; (особенно предисловіе). Изъ Гизо приведемъ только одинъ блестящій пассажъ, не цитируемый другими. Въ своемъ курсѣ „Historie de la civilisation en Europe на ст. 218 — 219 говоритъ: „Третьимъ великимъ послѣдствіемъ освобожденія общинъ была борьба классовъ, борьба наполняющая собой исторію новыхъ временъ. Новая Европа создана борьбою различныхъ общественныхъ классовъ... Ни одинъ классъ не могъ вполнѣ подчинить себѣ другіе; борьба эта... была источникомъ прогресса; взаимныя отношенія классовъ, необходимость ихъ взаимной борьбы и уступокъ: реальность ихъ интересовъ и желаній, ихъ никогда не достигнутое стремлеіе къ окончательной побѣдѣ,—вотъ что породило, вѣроятно, самое энергичное и самое плодотворное начало развитія европейской цивилизаціи. Классы боролись безостановочно: они взаимно нинавидѣли другъ друга; глубокое различіе положенія, интересовъ, нравовъ, породили между ними глубокую нравственную вражду.“

Ничеге подобнаго, по блеску, о борьбѣ классовъ вы не найдете у марксистовъ. Хороша также по краткости и точности формулировка, данная Шарлемъ Дюнуаіе: „Исторія цивилизаціи со времени паденія Римской Имперіи есть исторія поступательнаго развитія трудящихъ классовъ.“—Другой историкъ, экономистъ Бланки, еще въ 1825 г. набросалъ общій ходъ историческаго процесса въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Шагъ за шагомъ прослѣдилъ я всякія историческія событія... неизмѣнно въ нихъ участвовало только двѣ партіи: одна—людей, желающихъ жить своимъ трудомъ, другая—стремящихся жить трудомъ другихъ... Патриціи и плебеи, рабы и вольноотпущеники, гвельфы и

гибелины, бѣлыя и красныя розы, кавалеры и кругло-головые, либералы и холопствующіе—только разновидности того же самаго вида."

Повторяемъ, ученіе о борьбѣ классовъ уже въ 20-хъ годахъ было общепризнаннымъ у историковъ и у соціалистовъ. О классахъ въ экономической дѣятельности и ихъ роли въ исторіи говорили совершенно опредѣленно еще Давидъ Юмъ и его великій другъ Адамъ Смитъ въ половинѣ XVIII ст. Тѣ знаменитыя мѣста у Ог. Тьерри и Гизо, въ которыхъ первый говоритъ, что подъ знамя Карла I шла аристократія поземельная, а буржуазія и производительны еклассы становились подъ революціонное; равно подчеркнутый вторымъ фактъ о раздробленіи земли и переходѣ значительной ея части къ буржуазіи, о богатствѣ послѣдней, о томъ, что революціонная палата Общинъ была богаче Палаты Лордовъ, — все это взято изъ. „History of England", D. Hume. А что до экономической роли классовъ, то Адамъ Смитъ безъ обиняковъ бросилъ въ лицо правящимъ и эксплуатирующимъ, включая короля, министромъ, военныхъ, поповъ, что „вопреки ихъ почетныхъ положеній„, они *непроизводительны*, и чѣмъ въ данномъ обществѣ число почетныхъ меньше, тѣмъ благосостояніе его производительныхъ классовъ выше. Оба англійскихъ философа были тѣсно связаны съ физіократами и энциклопедическимъ движеніемъ, а наука и философіяАнгліи и Франціи развивались въ то время въ одномъ и томъ же направленіи, въ томъ именно, которое въ Англіи выработало Годвина, Шолли и Роберта Овена, а во Франціи Вельнея, Фурье и всѣхъ цитированныхъ историковъ.

Первыя четыре десятилѣтія XIX ст. были разцвѣтомъ сенъ-симонизма и фурьеризма во Франціи и овенизма въ Англіи. Въ главѣ объ утопизмѣ мы очертимъ характеръ и силу соціалистическаго движенія того времени, и читатели поймутъ, почему вмѣстѣ съ другими соціально-революціонными теоріями было распространено также и ученіе о классовой борьбѣ. Уже нами цитированный Шарль Андлеръ рядомъ цитатъ доказываетъ, что не только между французскими революціонерамн, но и между нѣмецкими эмигрантами и рабочими, группировавшимися вокругъ парижскихъ соціально-революціон-

ныхъ тайныхъ обществъ, ученіе о классовой борьбѣ было общераспространено въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Нѣмцы Вейтлингъ, Грюнъ, Шустеръ писали о томъ. Марксъ-Энгельсъ были ихъ преемниками и знали очень хорошо объ ихъ писаніяхъ. Какъ же это черезъ 40 лѣтъ Энгельсъ увѣрялъ честныхъ и довѣрчивыхъ рабочихъ, что и классовую борьбу открылъ Марксъ-Энгельсъ? Тоже позабывчивости?

Приведемъ еще примѣръ распространенности среди рабочихъ соціалистовъ ученія о борьбѣ классовъ. Вслѣдъ за знаменитымъ Ліонскимъ возстаніемъ съ безсмертнымъ девизомъ: „Жить работая, умирать въ бою!“ передъ судомъ Пэровъ, обвиняемый Ривіеръ-Младшій, простой печатникъ по тканямъ, въ прекрасной защитѣ, помѣченной 27 іюля 1835 года, смѣло развивалъ неизбѣжность соціализма, который только и положитъ конецъ классовой борьбѣ, царящей въ капиталистическомъ обществѣ.

„Нельзя не признавать—писалъ онъ—царящей всеобщей борьбы!.. Она идетъ между различными общественными классами; въ нихъ самихъ идетъ борьба взаимной конкурренціи; борьба бѣдныхъ противъ богатыхъ, рабочаго—противъ хозяина.“ Такимъ образомъ, въ 1835 году Ривіеръ предвосхитилъ третій элементъ *одной основной мысли*, Марксъ-Энгельсомъ надуманной въ 1848 году. Но Ривіеръ не только предвосхитилъ, а еще развиваетъ отдѣльно каждый видъ борьбы, всякій разъ повторяя: борьба интересовъ между различными классами, борьба между бѣднымъ и богатымъ, между рабочимъ и хозяиномъ.

Допустимъ, что молодые Марксъ-Энгельсъ, только что освободившись отъ метафизическаго сумбура гегелевской философіи, не были знакомы съ трудами Юма, Тьерри, Гизо и другихъ; допустимъ и то, что они не знали еще сочиненій французскихъ соціалистовъ и процесса Ривіера... но нѣмецкихъ рабочихъ и эмигрантовъ они знали лично, жили съ ними, конспирировали, пропагандировали вмѣстѣ, и они знали лучше, чѣмъ кто нибудь, что Шустеръ, Грюнъ, Вейтлингъ писали о борьбѣ классовъ; ихъ товарищи, нѣмецкіе рабочіе въ Парижѣ, дебатировали объ этой борьбѣ въ своихъ ферей-

нахъ. Почему же Энгельсъ черезъ сорокъ лѣтъ позволилъ себѣ и это приписать Марксу, а косвенно и себѣ, такъ какъ ихъ ученики и панегиристы не могутъ сами различать, гдѣ кончается одинъ и начинается другой?

Такова научность и наука партіи... у человѣчества это называется иначе...

Положимъ, скажутъ намъ, что Энгельсъ и тутъ ошибся, приписавъ Марксъ-Энгельсу открытіе борьбы классовъ, объясненіе исторіи и соціализма. Но нельзя же отрицать, что въ ихъ „Манифестѣ", „Капиталѣ" и въ „Положеніе рабочихъ классовъ въ Англіи" они разработали фактически, обогатили соціалистическую критику удивительными описаніями нищеты и страданій рабочихъ классовъ; очистили, расширили и оживили историческими изслѣдованіями сухія формулы; наконецъ, придали стройную научную систему соціализму сердобольныхъ утопистовъ.

Такъ-ли это? Сравнимъ ихъ „Манифестъ" и „Положеніе рабочихъ классовъ" съ произведеніями сердобольныхъ утопистовъ; возьмемъ „Манифестъ" фурьериста В. Консидерана (1843—47) и книгу Е. Бюре „О нищетѣ трудящихъ классовъ въ Англіи и во Франціи" (1840), и мы увидимъ на дѣлѣ, что именно было открыто Марксъ Энгельсомъ, и что принадлежало всей радикальной и соціалистической литературѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Книга Энгельса „положеніе рабочаго класса въ Англіи" была въ свое время одна изъ лучшихъ книгъ по этому вопросу. Написана она хорошо, честно, и горячее чувство молодсго (ему было 24 г.) революціонера увлекаетъ читателя, вызывая въ немъ симпатію къ угнетеннымъ, негодованіе и ненависть къ угнетателямъ. Съ самаго появленія въ „Современникѣ" статей Н. Шелгунова „Рабочій пролетаріатъ въ Англіи и во Франціи" мы привыкли считать Энгельса „однимъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ изъ нѣмцевъ" (слова Шелгунова), а его книгу и Бакунинымъ переведенный „Ком-

мунистическій Манифестъ" (1862) и „Программа Работниковъ" (1865), а потомъ и всѣ рѣчи и брошюры Лассаля мы считали и—признаться-ли?—считаемъ и теперь въ ряду лучшихъ популяризацій французскаго революціонно-государственнаго соціализма 40-хъ годовъ, какъ его излагали тогда Пекеръ, Видалъ, Луи Бланъ, Бланки и друг. Намъ бы и въ голову не пришло сказать, и тѣмъ болѣе печатать хоть одно слово противъ честныхъ книгъ и ихъ авторовъ, если бы,.. еслибы, спустя сорокъ лѣтъ, Энгельсъ и его послѣдователи не вздумали проповѣдывать вмѣсто коммунизма и соціализма мелко-буржуазный радикализмъ съ фабричнымъ законодательствомъ; если бы не ихъ систематическая вражда въ русскимъ революціонерамъ и къ революціонерамъ федералистамъ въ Интернаціоналѣ, а потомъ къ намъ, комунистамъ-анархистамъ; если бы не стремленіе Энгельса прикрыть свой поворотъ къ буржуазному радикализму и къ легальной постепеновщинѣ парламентаризма именемъ науки и научности; если бы не стремленіе его и его послѣдователей сдѣлать смѣшными *„утопистами"* дѣйствительныхъ соціалистовъ, включая сюда Роберта-Овена, С. Симона, Фурье, Консидерана, Прудона и Чернышевскаго; если бы не ихъ стремленіе выдать рабочимъ діалектику софистовъ и метафизику богослововъ и жрецовъ мірового духа за науку, а настоящую индуктивную науку, освободительницу отъ духовъ и діалектики, отъ лжи и суевѣрія, выдавать за вульгарность и метафизику; если бы не ихъ усилія убѣдить рабочихъ, что внѣ ихъ легализма, постепеновщины, еухослодія и софизмовъ нѣтъ ни соціализма, ни науки, ни методовъ борьбы, ибо, увѣряютъ они, науку открыли они, соціализмъ выработали они, методы борьбы создали они, словомъ, „въ началѣ (1845) бѣ Марксъ-Энгельсъ, и М.-Э. бѣ наука, и наука есть М.-Э.", и что до нихъ была одна куцая утопическая тьма, а возгласили они „да будетъ научный свѣтъ!" и наука ихъ партій засіяла, а что внѣ оной — то отъ лукаваго, т. е. отъ утопическихъ враговъ капитализма, этихъ „пособниковъ капитализму въ самомъ гнусномъ смыслѣ" по увѣренію г. Бельтова.—Вотъ, что заставило насъ приняться за неблагодарную работу провѣрокъ и уличеній.

Какими особенными качествами отличается книга молодого Энгельса? Предоставимъ говоритъ объ этомъ его друзьямъ и поклонникамъ. „Если въ этой книгѣ, говоритъ его біографъ, панегиристъ, (ст. V) замѣтенъ еще не вполнѣ закончившійся процессъ выработки взглядовъ, то она является тѣмъ не менѣе *классическимъ* произведеніемъ... *по изображенію* англійской фабричной системы.“ Замѣтимъ,—взгляды не выработаны, но описанія хороши.—„... съ какой удивительной точностью изобразилъ Энгельсъ подробности положенія, говоритъ Марксъ (*Капиталъ*), доказываетъ самое поверхностное сравненіе его произведенія съ появившемся 18—20 годами позже оффиціальнымъ докладомъ коммиссіи о дѣтскомъ трудѣ.“—Опять особенно описанія отмѣчены.— А какія именно описанія,—объяснитъ намъ профессоръ Исаевъ*) „Энгельсъ обходитъ рабочіе кварталы Лондона, изучаетъ положеніе бѣднаго люда въ Дублинѣ, въ Эдинбургѣ, Глазго, Ноттингэмѣ, Бирмингэмѣ, Лидсѣ, Брадфордѣ и другихъ вовсюду *наблюдаетъ* картины, приводящія въ ужасъ... Онъ ведетъ насъ въ С.-Джильсъ, окруженный широкими *блестящими* улицами, и лежащій въ самой населенной части Лондона.“ Опять сторона описательная особенно подчеркнута. Но увѣряемъ почтеннаго профессора, что всѣ эти города были изслѣдованы, ихъ кварталы описаны, нищета ихъ, такъ сказать, иллюстрирована съ 1832 г., рядомъ парламентскихъ коммиссій, начиная съ коммиссіи Садлера. Результаты ихъ излагались въ Edinburgh Review, Chambers Edinburgh Journal, Querterly Review, la Revue britannique, у многихъ авторовъ, и наконецъ, въ 1840 г. появился знаменитый двухъ томный тру дъ E. Buret, „De la Misère des classes laborieuses en Angleterre et en France“, увѣнчанный преміей французской академіей, прославляемый Луи Бланомъ и всѣми французскими соціалистами и радикалами, книга, на которую въ сороковыхъ годахъ набрасывалась молодежь, а молодъ былъ тогда (20—22 г.) и Энгельсъ и былъ подъ французскимъ вліяніемъ (см. біографію). Книга Бюре—блестящій и

---

*) Исаевъ. „Пять вопросовъ обществовѣдѣнія“. Берлинъ 1901. Стр. 248—49.

необыкновенно полный сводъ всѣхъ изслѣдованій, отчетовъ, мемуаровъ, начиная съ мемуаровъ доктора Экина (Aikin), перваго разоблачителя рабства дѣтей въ Манчестерѣ. У этого Бюре описаніе нищеты англійскихъ рабочихъ идетъ *именно по городамъ*, какъ у Энгельса. Даже начинаются оба описанія той же фразой:

„У всякаго большого города имѣются вертепы (Ghetto), проклятые кварталы.“ Бюре 316. Т. I.

„У всякаго большого города имѣются одно или болѣе логовищъ ((Sluns)“. Энгельсъ. 26 стр. англійское изданіе. Лондонъ съ кварталами С.-Джильсъ, Шоредичъ, Бетнальгринъ, Вайтчепель и др. (стр. 316—322 Т. I), Манчестеръ съ ея рѣками Irk (стр. 327 — 334). Лидсъ (334—5), Ноттингамъ, Ливерпуль (здѣсь и цифры цитированы тѣ, что у Энгельса), Бристоль, Ньюкастль (стр. 335—37). Потомъ идутъ Глазко, Эдинбургъ, Пэзли (стр. 337—340). Переходя къ описанію вліянія нищеты на организмъ и къ санитарнымъ условіямъ, Бюре даетъ рядъ возмутительныхъ картинъ нищеты, вымиранія отъ голода, стужи, отсутствія воздуха, отъ мрака подваловъ. Опять Лондонъ и его кварталы, Манчестеръ, Глазко и Эдинбургъ съ Wynds (какъ у Энгельса). Стр. 350—356, 368—69, 370—72, 374—79, 380—385 Манчестеръ. Общій очеркъ данъ уже на стр. 67, а потомъ 136, 140, 148—49.

Описанія Бюре и Энгельса очень похожи, иной разъ идентичны и съ тѣми же самыми цитатами. Напримѣръ Бюре, описывая Ноттингамъ по статьѣ W. Felkin въ „Journal of statist. Sosiety of London“. Jan. 1840.— говоритъ:

„Въ Ноттингамѣ, изъ всего числа 11.000 домовъ, отъ 7 до 8.000 построены задами вплотную другъ къ другу, безъ малѣйшей вентиляціи и съ одной отхожей ямой для нѣсколькихъ домовъ. *Во время холеры, посѣтившей городъ,* было обнаружено, что многіе дома стояли надъ сточными каналами, прикрытыми только досками пола нижняго этажа...“ (Томъ I. Стр. 335).

У Энгельса, въ послѣднемъ, имъ самимъ просмотрѣнномъ и снабженномъ новымъ предисловіемъ отъ 11 января 1892 г., англійскомъ изданіи, на страницѣ 36 мы читаемъ:

„Въ Ноттингамѣ всего 11.000 домовъ, изъ которыхъ

отъ 7.000 до 8.000 построены задами другъ къ другу съ одной общей стѣной, безъ всякой вентиляціи, причемъ одна отхожая яма служитъ многимъ домамъ. *Изслѣдованіе, произведенное вскорѣ послѣ того (?)* обнаружило, что многіе ряды домовъ были построены надъ неглубокими сточными каналами, прикрытыми только досками нижняго этажа."

Слова Энгельса мы передаемъ, соблюдая даже конструкцію фразы оригинала. Они отличаются отъ словъ Бюре только пропускомъ. „Во время холеры, посѣтившей городъ", вслѣдствіе чего фраза Энгельса „изслѣдованіе, произведенное вскорѣ послѣ того", является темной и требуетъ вмѣсто „*того*" слова, „холеры". Почему Энгельсъ опустилъ холеру?—то дѣло его совѣсти; но почему онъ не цитируетъ ни Бюре, ни Фелькина, у которыхъ, очевидно, онъ списалъ дословно?—о томъ пусть судятъ читатели, а насъ эта безцеремонность давно перестала удивлять*). Всѣ лучшія цитаты у Энгельса объ Эдинбургѣ, Глазго, Манчестерѣ, Дублинѣ, Нottингамѣ страннымъ образомъ совпадаютъ съ текстомъ Бюре (стр. 339, 337, 382, 336, 335, 338, 339. T. I).

Совпадаютъ также названія рапортовъ, отчетовъ книгъ и періодическихъ изданій, появившихся до 1840 г., года появленія книги Бюре. За исключеніемъ Карлейля и изданій чартистовъ, главными источниками Энгельса являются Симонсъ, Джемсъ Кай, Алисонъ, Сланей, Ури, Саутвудъ, Ли Сеніоръ и другіе, всѣ безъ исключенія цитированные у Бюре, у котораго, помимо ихъ, цитированы сотни другихъ французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ и латинскихъ авторовъ. Книги Бюре—трудъ ученаго, а Энгельса—компиляція мало подготовленнаго молодого (22—24) человѣка. Какъ настоящій ученый, Бюре при всѣхъ описаніяхъ непремѣнно даетъ имена авторовъ, докладчиковъ, коммиссаровъ, духовныхъ (Бекландъ), даетъ заглавія статей, отчетовъ, названія журналовъ, изъ которыхъ онъ цитируетъ. Положимъ, Энгельсъ тоже цитируетъ, но куда меньше

*) Профессоръ Андлеръ говоритъ: „Engels avait emprunté à Buret sa conscienceuse description monographique, son utilisation ingénieuse des rapports parlementaires... p. 35.—

Le travail d'Engels n'est qu'une refonte et une mise au point..." книги Бюре. (Ch. Andler: Le Manifeste communiste, II. Introduction historique et Commentaires Paris, 1901. p. 79).

и притомъ выходитъ какъ бы такъ, что всѣ описанія городовъ его собственныя, такъ что Марксъ и проф. Исаевъ могли приписать ихъ ему, тогда какъ у Бюре вы видите, что онъ самъ сдѣлалъ, и что дали другіе. Сравненіе методовъ описанія, города и кварталы, ими описанные, говорятъ намъ ясно, что не Энгельсъ обходилъ, наблюдалъ и описалъ, а коммиссіи, инспектора, доктора, статистики; что всѣмъ этимъ раньше Энгельса и лучше его пользовался Бюре (его оба тома въ 924 стр.), и трудъ Энгельса отнюдь не *классическій по изображенію,* а такая же компиляція, какъ и статья Шелгунова и книга Шеллера-Михайлова. Если можно говорить о классичности, то скорѣе она приложима къ труду Бюре, въ которомъ щедрой рукой разсыпаны мысли о классовой борьбѣ, о концентраціи капитала, объ экспропріяціи мелкихъ мастеровъ, о заработной платѣ и желѣзномъ законѣ, о соціализаціи труда, о вліяніи формъ производства и обмѣна на строй общества: обо всемъ томъ, что Энгельсъ и его ученики выдаютъ за открытія Марксъ-Энгельса. Къ этимъ мыслямъ мы и перейдемъ; ради нихъ мы бережемъ мѣсто и не цитировали описанія.

1. *Классы, ихъ взаимная вражда.*

„Древніе рабы, бывшіе полною собственностью ихъ господъ, превратились въ крѣпостныхъ и вассаловъ въ эпоху варварства и стали рабами земли, а не человѣка, а послѣ ряда измѣненій въ наши дни они стали свободными по отношеніямъ къ людямъ, но остались *подчиненными вещамъ,* рабами потребностей организма, насильно обреченными на большее изнуреніе и страданія, чѣмъ рабы, хотя при меньшей увѣренности въ завтрашнемъ днѣ (Т. II. Стр. 68). Пролетаріи, живущіе только заработкомъ, прямые потомки крѣпостныхъ, какъ послѣдніе были потомки древнихъ рабовъ... Пауперизмъ появляется съ уничтоженіемъ крѣпостного права, и мы увидимъ, что пауперизмъ есть порожденіе феодализма (69). Крѣпостная цѣпь была разбита, но кольцо приковывавшее къ рабству осталось, и не одинъ изъ освобожденныхъ тащитъ на себѣ обрывокъ той цѣпи (75). Для капитала, рабочій простое орудіе производства, ничѣмъ не отличаемое отъ машинъ (Т. II. Стр. 47). Хозяинъ не связанъ съ рабочими морально; никакая взаимность услугъ или обязанностей ихъ не соединяетъ.

(48). Въ самыхъ образованныхъ странахъ рабочіе видятъ въ нищетѣ прямое угнетеніе и мысль прибѣгнуть къ силѣ для освобожденія уже зародилась у нихъ... рабочіе уже агитируютъ, чтобы избавиться отъ ужаснаго положенія и, какъ варвары, которымъ ихъ уподобляли, они думаютъ, пожалуй, о нашествіи (49). Англія, страна крупной промышленности, въ тоже время и страна соціальной войны... Чартизмъ, побѣжденный, все же грозитъ постоянно возрастающей опасностью (50). Правительство далеко не индифферентно къ быстрому развитію бунтарскаго духа (l'esprit de révolte) среди низшихъ классовъ (51). Изъ необходимости оберечь собственность фабрикантовъ противъ нападенія рабочихъ, англійское правительство завело общую полицію (51). Революція въ индустріи раздѣлила производительные классы однихъ противъ другихъ (55). Рабочіе ненавидятъ общество въ цѣломъ; политическіе бунты, нѣкогда мѣстные, стали національными (56)".

2. *Концентрація производства.* Этому сюжету намъ придется посвятить спеціальные главы, почему ограничимся здѣсь только двумя краткими цитатами: — „Машинное производство вытѣсняетъ повсюду мелкую индустрію крупною; оно дѣлитъ участвующихъ на два различныхъ класса съ ихъ противоположныии интересами: на капиталистовъ, обладателей инструментами труда, и на наемныхъ работниковъ... etc. (стр. 165). Тоже въ земледѣліи.—„За послѣднія 20 лѣтъ крупное землевладѣніе захватило общинныя угодья, а крупное земледѣліе объединило въ большія фермы мелкіе крестьянскіе участки, породивъ пауперизмъ (Т. I. Стр. 196).

3. *О заработной платѣ.* Уже цитировано въ главѣ о научности.

4. *О вліяніи формъ производства и обмѣна на общество.* „Машины и порожденное ими крупное производство вліяютъ непосредственно и гибельно на условія жизни рабочихъ классовъ." (Т. II. Стр. 163).

„Всюду, гдѣ крупная промышленность заводитъ свои мастерскія... нищета выставляетъ свою наготу, какъ бы съ намѣреніемъ пристыдить гордость и угрожать роскоши. Откуда эта странная встрѣча промышленности и нищеты? (123) Изъ нежеланія-ли сознаться, что нашъ экономическій строй самъ порождаетъ нищету, изъ страха ли передъ горькой истиной, только до сихъ

поръ всегда избѣгали приписывать нищету общимъ причинамъ (idem). Трудъ и заработная плата подчинены извѣстнымъ экономическимъ законамъ; стало быть, эти законы воздѣйствуютъ непосредственно и вліяютъ на условія жизни работниковъ. Каково это вліяніе?... Мы послѣдовательно изслѣдуемъ вліяніе на условія жизни рабочихъ нашихъ *способовъ производства, распредѣленія и потребленія* (курсивъ Бюре. 124). Земледѣліе намъ даетъ любопытные примѣры вліянія формы (mode) производства на положеніе рабочихъ и на богатства народовъ (125). Можно принять за аксіому, что физическія и нравственныя условія рабочихъ точно измѣряются положеніемъ ихъ относительно орудій труда и капиталовъ, употребляемыхъ въ производствѣ (126).— Въ Англіи на каждыя десять семействъ приходится одно, живущее торговлей и обмѣномъ вообще, такъ что девять семействъ должны содержать лавочку; на каждыя 36 семействъ приходится по одному попу, юристу и доктору; одинъ собственникъ — на девять семействъ. Послѣдствіемъ является, чтъ съ $3^1/_2$ семействъ производительныхъ, приходится брать содержаніе семьи купца, попа и пр.... Не объясняетъ ли намъ этотъ фактъ, почему въ Англіи остается такъ мало на трудящійся классъ? (203)“.

5. *Раздѣленіе капитала и орудій производства съ трудомъ.* По этому пункту у Бюре много очень краснорѣчивыхъ страницъ, такъ какъ все зло онъ приписываетъ обращенію свободнаго, самодовлѣющаго производителя въ наемнаго работника. Приведемъ здѣсь только два отрывка.

„Всѣ источники нищеты сводятся къ одному: господствующее явленіе современной соціальной экономіи, которымъ обусловлены всѣ другія и которое создаетъ крупныя состоянія и нищету, порождаетъ наибольшее неравенство, есть все увеличивающееся взаимное отчужденіе въ производствѣ двухъ его элементовъ, капитала и труда, — война между капиталомъ и трудомъ, между орудіемъ труда и человѣкомъ его употребляющимъ...“ (337) „Самое могущественное производительное орудіе труда—земля, и нельзя отбирать ее у тѣхъ, кто способны ее обработывать своимъ личнымъ трудомъ.“ (468)

Этими прекрасными словами мы и закончимъ цитаты

наши. И приведенныя строки ясно доказываютъ почти тожественность чувствъ и мыслей ученаго послѣдователя Сисмонди и симпатизировавшаго фурьеристамъ Бюре и молодого революціонера Энгельса. Тѣ мысли и чувства были вліяніемъ времени, достояніемъ всѣхъ честныхъ и прогрессивныхъ мыслителей, въ особенности соціалистовъ. Ихъ открыли не Бюре и Энгельсъ, не Марксъ или Пекеръ. Они результаты великихъ историческихъ событій конца XVIII ст., глубокихъ волненій среди народныхъ массъ и коллективной мысли. Ихъ формулировали съ большою ясностью и блескомъ литературнаго таланта многіе, особенно среди французовъ. Эти мысли и чувства въ сороковыхъ годахъ стали настолько обыденными, что ихъ стали излагать въ формѣ воззваній и манифестовъ. Одинъ изъ такихъ манифестовъ, В. Консидерана, написанный въ 1843 г. и вышедшій вторымъ изданіемъ въ 1847 г., по ясности и глубинѣ мысли, считался самымъ блестящимъ. Онъ имѣлъ громадное вліяніе на современниковъ. Ему рабски подражали въ ихъ манифестѣ Марксъ и Энгельсъ, что мы и постараемся доказать рядомъ сопоставленій обоихъ текстовъ.

Если историческая литература, вмѣстѣ съ произведеніями французскихъ и англійскихъ соціалистовъ и просвѣщенныхъ людей вродѣ Бюре, дали Марксъ-Энгельсу содержаніе, то Манифестъ Консидерана далъ имъ форму.

Но это еще не даетъ права Энгельсу приписать всю науку и соціализмъ себѣ и Марксу.

Глава V.

Ихъ манифестъ и „Принципы Соціализма".

Мы подошли теперь къ „святая святыхъ" марксизма—передъ нами Манифестъ Коммунистической Партіи. Если Марксъ-Энгельсъ уподобляются то Ньютону, то Дарвину и даже легендарному Христу, то именно какъ авторы этого „*великаго,* хотя и необъемистаго произведенія *)". Ученые, профессора, депутаты, публицисты и ораторы марксизма поучаютъ рабочихъ всего міра... Но пусть говорятъ они сами.

Вотъ профессоръ римскаго университета, Антоніо Лабріола **); онъ назидаетъ насъ, что „Со дня изданія Коммунистическаго Манифеста открывается *новая эра*" (курсивъ профессора) въ исторіи человѣчества, конечно. А книга самого Лабріола, увѣряетъ насъ другой ученый соціологъ, Сорель, „достойна стоять рядомъ съ *классическими* трудами Марксъ-Энгельса."

Другой профессоръ университета, Вандервельдъ ***), наставляетъ насъ, что „Понятіе о классовой борьбѣ... впервые было развито въ Коммунистическомъ Манифестѣ, который есть *грандіозный синтезъ исторіи*, философіи, революціи... Съ его появленіемъ рабочіе пріобрѣтаютъ программу, формулу дѣйствія, боевой кличъ!"— Третій профессоръ университета, А. Исаевъ ****), ставящій Маркса рядомъ съ Дарвиномъ, поучаетъ насъ, что „Мысль (о борьбѣ классовъ), ярко и краснорѣчиво выраженная на страницахъ Коммунистическаго Манифеста, упрочивалась въ литературѣ все болѣе и болѣе." Четвертый профессоръ... однако, не довольно-ли профессоровъ? Послушаемъ самихъ авторовъ и сотрудниковъ ихъ. „Нѣкоторые, говоритъ біографъ Энгельса*****).

*) Предисловіе къ русскому переводу манифеста.
**) „Essais sur la conception materialiste de l'histoire".
***) „Золотая свадьба Международнаго Соціализма".
****) Пять вопросовъ обществовѣдѣнія. Стр. 91.
*****) Развитіе Научнаго Соціализма. Стр. VII.

называли „Капиталъ“ Маркса библіею рабочаго класса. Но... названіе гораздо больше подходитъ къ Коммунистическому Манифесту... онъ составляетъ настоящую квинтъ-эссенцію соціализма...“ Самъ Энгельсъ*), поучая Дюринга, говоритъ со свойственными ему правдивостью и скромностью, что, „Если Дюрингъ хочетъ вообще сказать, что все наше современное экономическое положеніе... есть результатъ общественной исторіи, въ основаніи которой лежалъ классовой антагонизмъ... то онъ повторяетъ вещи, ставшія общимъ мѣстомъ со времени появленія Коммунистическаго Манифеста.“

Манифестомъ начата новая эра, открыты борьба классовъ и матеріалистическое пониманіе исторіи, открыты вообще всѣ законы динамики общественнаго развитія, дана программа, данъ боевой кличъ рабочему классу. Такъ увѣряютъ насъ жрецы науки, законодатели и самъ великій Энгельсъ. То должна быть истина святая, незыблемая. Но странно, факты борьбы, не мирной декламаціи, а революціонной борьбы рабочаго класса, какъ будто, не вполнѣ подтверждаютъ увѣренія мужей научности.

Манифестъ „въ нѣмецкомъ оригиналѣ былъ посланъ типографщику за нѣсколько недѣль до французской революціи 24 февраля **)“. Стало быть, на нее и ея боевую формулу, на событія іюньскихъ дней онъ вліять не могъ. А между тѣмъ, именно на баррикадахъ Парижа, въ кровавые дни іюня совершился окончательный разрывъ между пролетаріатомъ и радикальной буржуазіей. Когда правительство второй республики отвѣтило народу на его требованіе соціальныхъ реформъ канонадой, разстрѣливаніемъ и ссылкой въ Кайенну лучшихъ представителей великодушнаго и геройскаго парижскаго пролетаріата, тогда раздался единодушный крикъ разрыва и проклятія буржуазіи ***); тогда сложилось у парижскаго народа рѣшеніе, ставшее потомъ въ статутахъ Интернаціонала великой формулой международнаго соціализма: „Освобожденіе рабочихъ

*) idem, стр. 76.
**) Энгельсъ. Предисловіе къ англійскому переводу 1888.
***) В. Гюго, Верморель, Прудонъ, нашъ Герценъ (*Съ того берега*), даже Тургеневъ, въ „Наши послали“, отмѣтили великое историческое событіе.

должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ". Говоря объ Интернаціоналѣ и роли въ немъ Марксъ-Энгельса, мы разскажемъ, кто и какъ формулировалъ боевой кличъ пролетаріата. Ни они, ни ихъ манифестъ въ томъ не повинны. По сознанію самого Энгельса (англійское предисловіе, стр. 4), манифестъ не имѣлъ вліянія и на Интернаціоналъ, такъ какъ, во время долгой реакціи, наступившей за революціей 1848, соціализмъ вообще „считался погребеннымъ на вѣки, манифестъ былъ обреченъ на забвеніе". Тольке въ 1872 г., говоритъ въ упомянутой брошюрѣ Вандервельдъ, спустя четверть вѣка послѣ перваго изданія, манифестъ вновь былъ перепечатанъ". Отсюда слѣдуетъ, что и на Коммуну 1871 г. манифестъ не вліялъ и боевой формулы ей не давалъ. Да и самая идея автономной коммуны и федеративный принципъ составляютъ прямую противоположность централизованному, всепоглощающему государству авторовъ манифеста. Спрашивается, на какое же проявленіе революціонной борьбы повліялъ манифестъ? На чартизмъ?—Но онъ развился до манифеста. На русское революціонное движеніе народничества и народовольчества? Никакого вліянія, абсолютно никакого. Это подтверждаютъ и наши діалектики марксизма. За то именно они и полемизировали цѣлыхъ 20 лѣтъ противъ народниковъ, что послѣдніе были революціонеры и бакунисты, а не метафизики, не марксисты. Тоже слѣдуетъ сказать и объ Италіи съ Испаніей, въ которыхъ всѣ пролетарскіе революціонные взрывы были дѣломъ патріотовъ и республиканцевъ, или же анархистовъ. Гдѣ же вліяніе формулы манифеста на рабочее революціонное движеніе? Въ Германіи? *Допустимъ*. А какую революціонную борьбу вели марксисты въ Германіи со времени появленія манифеста? Ни революціи, ни малѣйшихъ революціонныхъ волненій тамъ не было съ 1848 г., а тогда дѣйствовали политическіе радикалы и соціалисты-революціонеры, „утописты", а не соц.-демократы, не діалектики марксизма. Такъ гдѣ же вліялъ манифестъ на революціонное движеніе пролетаріата? Да нигдѣ. А какъ же г.г. ученые и профессора увѣряютъ, что манифестъ вліялъ и даже новую эру составилъ? Это ужъ дѣло ихъ ученой совѣсти. Отрѣзанные отъ рабочихъ, не зная лично дѣятелей и борцовъ Интернаціонала, Коммуны, русскаго революціон-

наго движенія и современнаго анархизма, онѣ повѣрили словамъ Энгельса, Авелинга, Плеханова, Иглезіасъ и проч. Подозрѣвай они о странной научной манерѣ Энгельса и его школы, г. г. ученые, конечно, стали бы провѣрять „классическіе“ труды Маркса-Энгельса и не преминули бы убѣдиться въ слѣдующемъ:

Въ Коммунистическомъ Манифестѣ нѣтъ ни одной оригинальной мысли, и всѣ его теоретическія обобщенія были ходячими истинами, общимъ мѣстомъ, у французскихъ соціалистовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, а равно и среди нѣмецкихъ эмигрантовъ, бывшихъ съ ними въ соприкосновеніи:

Не только отдѣльныя мысли о борьбѣ классовъ, объ оппозиціи интересовъ пролетаріата и буржуазіи были высказаны Пекеромъ, Видалемъ, Прудономъ, Бюре, Бланки, Виллегарделемъ, Ривіеромъ, а за ними нѣмцами Грюномъ, Вейтлингомъ, Шустеромъ *) и другими, но еще—

У Маркса-Энгельса былъ въ рукахъ блестящій сводъ всѣхъ этихъ общераспространенныхъ мыслей въ замѣчательномъ произведеніи знаменитаго фурьериста Виктора Консидерана, издавшаго, тоже въ формѣ манифеста:

„Принципы Соціализма.“

(Манифестъ демократіи XIX столѣтія).

Самое поверхностное сравненіе манифестовъ Консидерана и Марксъ-Энгельса убѣдило бы ученыхъ и профессоровъ въ томъ, что произведеніе послѣднихъ есть ученическая, робкая компиляція молодыхъ метафизиковъ по мастерскому произведенію индуктивнаго французскаго мыслителя. Сходство обоихъ манифестовъ поразительно, не только по содержанію, но и по аргументаціи и по формѣ. Все, что Энгельсъ задумалъ выдать нѣмецкимъ читателямъ за открытія Марксъ-Энгельса, у Консидерана развито съ чисто французской ясностью и точностью мысли, облеченной въ блестящую литературную форму первокласнаго французскаго публициста. Особенно поразительно сходство, почти идентичность теоретической главы „Буржуа и пролетаріи“ у М.-Э. **) съ теоретической частью у В. К. На $14^1/_2$

*) Ch Andler, Le Manifeste communiste. Introduction historique et commentaires. Paris. 1901.

**) Во избѣжаніе частыхъ повтореній именъ Маркса-Энгельса и Виктора Консидерана, въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ употреблять только МЭ. и ВК.

больше 36 совпаденій, изъ которыхъ 30 приходится на первыя девять страницъ, посвященныхъ вопросамъ борьбы классовъ, концентраціи капитала, развитію политическаго могущества буржуазіи, съ одной стороны, и роста пролетаріата съ другой. Эти страницы содержатъ всего 350 строкъ текста русскаго перевода, такъ что въ среднемъ на каждыя 12 строкъ приходится одно заимствованіе! Многовато... Но это еще не все: самое распредѣленіе главъ и заголовки послѣднихъ либо прямо взяты у В. К., либо очень ихъ напоминаютъ. Напримѣръ,

Параграфъ 2-й второй главы у В. К. (стр. 19) озаглавленъ: „Современное положеніе и 1789; *буржуазія и пролетаріи.*" „*Буржуа и Пролетаріи*", таково названіе 1-й главы у М. Э.

В. К. критикуетъ различныя партіи соціалистовъ и революціонеровъ подъ общимъ именемъ демократіи (фурьеристовъ онъ называетъ мирной демократіей), и заглавія его параграфовъ слѣдующія:

„Демократія ретроградная" (стр. 41),
„Демократія Застоя" (стр. 35),

„Соціалистическая партія и ретроградная демократія" (44).

У М. Э. встрѣчаемъ заглавія:

Реакціонный соціализмъ (27).
Консервативный или буржуазный соціализмъ (34).
Соціализмъ критико-утопическій и коммунизмъ (35).

Не зная откуда взяты заглавія, можно было бы принять ихъ за заголовки одной и той же книги.

Замѣтимъ еще относительно сходства построенія обоихъ манифестовъ, что теоретическая, принципіальная часть заканчивается въ обоихъ спеціальными въ три и четыре строки абзацами, рекомендующими *Ассоціацію*, какъ будущую форму общежитія (27 М. Э., 45 В. К.).

Приступая къ сопоставленію текстовъ, мы ограничиваемся только строками, въ которыхъ М. Э. *резюмировали* для нѣмецкихъ читателей „Принципы Соціализма." Изъ послѣдняго приведемъ цитаты длиннѣе, дабы читатели могли сами судить о комичности претензій М.-Э. на родительство мыслямъ и воззрѣніямъ ихъ учителей.
маленькихъ страничекъ русскаго перевода мы нашли

А. Классы, ихъ образованіе.

1. Марксъ-Энгельсъ, стр. 2.—Выросшее на развалинахъ феодализма, современное общество не уничтожило различія классовъ.

В. Консидеранъ, стр. 2.—Новый общественный строй выросъ изъ феодализма *путемъ развитія промышленности, науки и труда*... Вопреки метафизическому либерализму... вопреки конституціонному равенству гражданъ передъ закономъ... современный строй все еще остается аристократическимъ, правда, не въ принципѣ, а de fasto (6)... классы увѣковѣчиваются самымъ рожденіемъ людей въ низшихъ, или высшихъ условіяхъ... только теперь ужъ не законъ, не право и не политическій принципъ ставятъ преграду между громадными слоями (категоріями) французскаго народа, а *самъ экономическій строй, общественныя организація* (6).

Эта выписка особенно подчеркнутыя слова—послѣднія подчеркнуты самимъ В. К.—показываетъ во сколько разъ яснѣе понимали „утописты", чѣмъ „ученые" марксисты роль экономическихъ факторовъ и общественной организаціи на развитіе человѣчества. Въ этихъ немногихъ словахъ вся сущность діалектическаго матеріализма метафизиковъ марксизма.

2. М. Э., стр. 2.—Оно (буржуазное общество) поставило только новые классы на мѣсто старыхъ, выработало новые способы угнетенія и новые виды борьбы.

Противъ этого голословнаго утвержденія, безъ какихъ бы то ни было фактическихъ указаній, намъ бы слѣдовало привести цѣликомъ 5-й параграфъ изъ В. К., въ которомъ, подъ титломъ: *„Быстрое развитіе новаго феодализма—общее закрѣпощеніе работниковъ"*, онъ мастерски очерчиваетъ самый процессъ развитія. Но глава уже очень разрастается. Вотъ нѣсколько выдержекъ.

В. К. Стр. 6, 7, 8.— Чрезвычайно важное явленіе развивается въ наши дни—это могущественный и быстрый ростъ новаго **феодализма**, феодализма индустріальнаго и финансоваго *), заступающаго регулярно мѣсто аристократіи стараго порядка... Онъ могъ породить только общее порабощеніе, подчиненіе массъ, лишенныхъ капиталовъ, орудій труда и воспитанія... Безус-

---

*) О капиталистическомъ феодализмѣ тогда говорили многіе, между прочимъ Токвиль, Бюре (см. Т. II. Стр. 206—7).

ловная свобода, при отсутствіи организаціи, есть ничто иное, какъ полная отдача невооруженной и обездоленной массы на произволъ вооруженныхъ и богатыхъ. Цивилизація, начатая дворянскимъ феодализмомъ, развитіе котораго освободило промышленные классы отъ личнаго порабощенія, завершается въ наши дни феодализмомъ индустріальнымъ, создающимъ общее порабощеніе рабочихъ.

3. М. Э. 2. Общество все болѣе и болѣе раздѣляется на два враждебные лагеря, на два большіе, стоящіе другъ противъ друга класса: буржуазію и пролетаріатъ.

В. К. 10. Заглавіе § 10: „Раздѣленіе общества на два класса: меньшинство обладающее всѣмъ, и громадное большинство лишенное всего".— Въ ежедневной борьбѣ соціальной одни вооружены, образованы, готовы къ бою... другіе, раззоренные, нагіе, невѣжественные и голодные, принуждены вымаливать у противниковъ работу за нищенскій заработокъ (6). Индустріальный феодализмъ, какъ и военный, создается побѣдой и господствомъ сильныхъ надъ слабыми. *Пролетаріатъ есть новѣйшее крѣпостное право.* (26).

4. М. Э. 3. Тогда паръ и машины произвели революцію въ промышленности. Мѣсто мануфактуры заняла нынѣшняя крупная промышленность, мѣсто средняго сословія — милліонеры — промышленники, предводители цѣлыхъ промышленныхъ армій.

В. К. 9. Во всѣхъ отрасляхъ (производства) крупный капиталъ и крупное производство торжествуютъ надъ мелкими. Паръ, машины, большія мануфактуры безъ труда восторжествовали повсюду надъ мелкими и средними мастерскими. Съ ихъ приближеніемъ исчезли старыя корпораціи и мастера, уступивъ мѣсто фабрикамъ и пролетаріату... Оставивъ безъ работы сначала рабочаго, выбросивъ на мостовую массу народа, замѣнивъ ихъ машинами, они (усовершествованія) давятъ въ свою очередь и хозяевъ (мастеровъ).

Мы пропускаемъ здѣсь совпаденія о роли буржуазіи въ переворотѣ производства и въ политической революціи (М. Э. стр. 4 и 5). Все это избитыя мѣста въ политической литературѣ, особенно послѣ Великой Революціи. Юмъ, Тьерри, Бюре и многіе говорили объ этомъ. Прудонъ свою „Idée génerale de la Révolution", посвятилъ буржуазіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Вы всегда были самые смѣлые и умѣлые революціонеры“... Приведемъ здѣсь только двѣ, три фразы В. К. и то потому, что его мысль высказана въ тѣхъ же выраженіяхъ, что у М. Э. „Она уничтожила корпораціи, цѣхи и феодальную собственность, она обобрала дворянство и духовенство, но не создала никакого учрежденія... предала индустріальную и общественную мастерскую сильнѣйшему, и нищета, пороки, подлогъ развратъ и общая преступность возрастаютъ... Отвратительный механизмъ *свободной конкуренціи**) топчетъ всѣ законы справедливости и человѣчности.—Пропускаемъ и вступительныя строки 2-й главы М. Э. о рабствѣ, феодализмѣ, крѣпостномъ состояніи, цехахъ и пр.—все это были избитыя, шаблонныя мѣста. В. К. начинаетъ свой манифестъ „Рабство и кастовой духъ— таковъ былъ древній соціальный строй... Феодализмъ смягчилъ рабство въ крѣпостное состояніе“ и пр. и пр.

B. Политическая и соціальная власть буржуазіи и захватъ рынковъ.

5. *М. Э.* 4. Намѣтивъ въ 12-ти строкахъ, стр. 3—4, роль буржуазіи при монархіи, М. Э. заканчиваетъ: „Буржуазія... завоевала себѣ, наконецъ, съ появленіемъ крупной промышленности и всемірнаго рынка исключительную политическую власть въ новѣйшемъ конституціонномъ государствѣ. Современная государственная власть есть не болѣе, какъ комитетъ, выбранный для завѣдыванія общественными дѣлами буржуазіи.

В. К. „*Подчиненіе правительства новой аристократіи*“—таково заглавіе § 9. „Кто захватываетъ всѣ общественныя положенія, всѣ, такъ сказать, стратегическіе пункты промышленныхъ и коммерческихъ операцій? Кто все завоевываетъ, становится господиномъ всего, если не высшая спекуляція, банки и крупный капиталъ? (10).

„Угодно вамъ знать до какихъ размѣровъ вкоренился этотъ гибельный феодализмъ и какъ онъ господствуетъ въ жизни политической и соціальной?“—Приведя примѣры изъ политики, военнаго дѣла, финансовъ, блестящій авторъ заканчиваетъ:—„Не ясно-ли изъ этихъ примѣровъ, что теперь ужъ не король, не министры.

*) М. Э. 8. Ихъ мѣсто (цеховъ и пр.) заняла свободная конкуренція ..

не нація, а феодалы индустріи и финансовъ управляютъ дѣлами?“ (12).

6. М. Э. 5. Потребность въ постоянно возрастающемъ сбытѣ для ея продуктовъ заставляетъ буржуазію обѣгать весь земной шаръ. Она должна внѣдряться и заводить сношенія повсюду.

В. К. 22. Промышленныя націи ищутъ съ большими усиліями внѣшній сбытъ ихъ фабричнымъ произведеніямъ.

7. М. Э. 6. Низкія цѣны товаровъ являются въ ея рукахъ тою тяжелою артиллеріей, съ помощью которой разрушаетъ она *всѣ китайскія стѣны* и принуждаетъ къ капитуляціи самую упорную *ненависть варваровъ къ иностранцамъ.*

Подчеркнутыя слова употреблены М. Э. въ формѣ обобщенія. Но если мы вспомнимъ, что до второй половины прошлаго столѣтія, кромѣ Англіи, ни одна страна въ Европѣ не имѣла желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и машиннаго производства, а ежели вспомнимъ при этомъ, что варварская страна, прославленная тогда ненавистью къ иностранцамъ, былъ Китай, то слѣдующая конкретная мысль В. К. назойливо пробивается сквозь общую фразу М. Э:—

В. К. 22. 23. Англія задыхается отъ чрезмѣрныхъ усилій развезти свои фабричные продукты по всѣмъ концамъ міра. *Пушечными выстрѣлами они открываютъ себѣ порты древней китайской имперіи.* Безостановочно, вооруженная, рыщетъ она по земному шару, требуя повсюду потребителя.

С. *Концентрація капитала и производства.*

Концентрація капитала и борьба классовъ составляютъ основу тактики и этики Марксизма. Первая, какъ мы увидимъ дальше, составляетъ вѣнецъ „Капитала“ въ формѣ діалектической тріады экспропріація и экспропріація экспропріаціи, и даетъ марксистамъ мусульманско-фаталистическую увѣренность, что капиталисты сами себя перебьютъ („одинъ капиталистъ убиваетъ многихъ“, по Марксу), и марксистамъ нечего хлопотать о борьбѣ съ ними, заботиться объ идеалахъ марксизма, ибо они, идеалы, сами прилагаются имъ, марксистамъ, за вѣру и голубиную кротость. Борьбу же классовъ они подставили вмѣсто соціальной революціи. А такъ какъ всѣ классы въ исторіи боролись только за свою поли-

тическую роль, а не за экономическое и соціалистическое равенство, то и марксисты должны, какъ духовенство и буржуазія, бороться за власть, а не за равенство; за политику, а не за соціализмъ; путемъ буржуазной законности, а не революціоннымъ. Когда мы, коммунисты-анархисты, замѣчали имъ, что соціализмъ революціонный требуетъ „освобожденія экономическаго и соціальнаго“, а не легализма среди буржуазно-капиталистическаго беззаконія и безправія для народа, то намъ, обыкновенно, отвѣчали: вы грубые невѣжды, ваши учителя были утописты, и ни вы, ни они не подозрѣвали о законахъ концентраціи и борьбы классовъ, открытыхъ великими Марксомъ-Энгельсомъ.

Но такъ-ли это? Наши-ли учителя не подозрѣвали, или у нихъ діалектики обрѣли свои открытія?

Вотъ сравнимъ ихъ мнѣнія о концентраціи и классовой борьбѣ.

М. Э. Буржуазія все болѣе и болѣе уничтожаетъ раздробленіе имущества, населенія и средствъ производства. Она сгустила населеніе, централизировала средства производства и концентрировала собственность въ немногихъ рукахъ.

В. К. Могущество крупныхъ капиталовъ возростаетъ безпрерывно, они притягиваютъ и поглощаютъ малыя и среднія состоянія... общество (финансовое), аристократія тяготѣютъ надъ народомъ, подчиняютъ его, какъ и средніе классы.—Этимъ феноменомъ характеризуется новѣйшая цивилизація... онъ слѣдуетъ по пятамъ за развитіемъ коммерціализма и мануфактуры... индустріализмъ безостановочно высасываетъ народныя богатства и концентрируетъ ихъ для новой аристократіи, создавая легіоны разслабленныхъ бѣдняковъ и пролетаріевъ. Великая Британія представляетъ наивысшую ступень этой *концентраціи капиталовъ* („la concentration des capitaux“) въ рукахъ очень малочисленной аристократіи...

8 М. Э. 10. „Современная промышленность превратила маленькую мастерскую ремесленника въ большую фабрику капиталиста“.

В. К. Крупная мануфактура легко восторжествовала надъ мелкими и средними мастерскими. При ея приближеніи старыя ремесла и мастера исчезли, уступивъ мѣсто фабрикамъ и пролетаріату.

Д. Борьба классовъ.

Пропускаемъ рядъ совпаденій о заработной платѣ, конкуренціи между рабочими, среди буржуазіи... о кризисахъ, о перепроизводствѣ. Переходимъ къ общимъ выводамъ, хотя замѣтимъ, что мы пропускаемъ болѣе 20 очень характерныхъ частныхъ совпаденій.

9. *М. Э.* 16. „Они (буржуазія) производятъ прежде всего своихъ собственныхъ могильщиковъ."

В. К. 20-21. „Само это развитіе господства (капитализма) рано или поздно вызоветъ соціальную революціонную борьбу... А когда совершаютъ революцію для раздѣла и когда побѣждаютъ, то не дѣлятъ, а выгоняютъ побѣжденныхъ и захватываютъ все: дѣлаютъ то, что буржуазія продѣлала съ дворянствомъ и духовенствомъ.

...Индустріальный феодализмь растетъ...

...Пролетарій — современный крѣпостной, Положеніе, противное всѣмъ правамъ человѣчества, современному соціальному духу; оно не можетъ развиваться, не *вызвавъ* новой революціи, *революціи не политической, а соціальной,* направленной противъ собственности и при крикахъ:

„Жить работая, или умирать сражаясь!. Землю работникамъ!" (26).

„Коммунизмъ порожденъ быстрымъ развитіемъ пролетаріата, пауперизма и новаго феодализма, и среди современнаго общества, еще пропитаннаго духомъ революціи, распространяется быстро, особенно среди рабочаго населенія... „Долой частную собственность! Долой собственниковъ! Долой наслѣдства! Земля для всѣхъ! (18) Чартизмъ, коммунизмъ и сен-симонизмъ съ отрицаніемъ наслѣдства развивается быстро въ Европѣ (19). Потокъ жизненный влечетъ европейское общество къ соціальной революціи и мы идемъ къ европейской жакеріи" (13).

Это пророчество 1843-го г. свершилось во всеевропейскомъ взрывѣ 1848 г. Къ несчастью для человѣчества, объединенныя усилія государства, аристократіи, клерикализма и буржуазіи задавили возставшій народъ, и богатая соціалистическая литература 40-хъ годовъ была почти истреблена, голоса честныхъ и смѣлыхъ реформаторовъ были заглушены пушками реакціи, направленными на народъ.

А какъ мы видѣли изъ нѣсколькихъ отрывковъ, соціалисты того времени знали многое и хорошо, мыслили ясно и понимали положеніе; ихъ мозги не были затуманены діалектикой, ихъ честныя и гуманныя стремленія не были извращены софизмами невѣжества, дряблости и гражданской трусости полемизирующихъ учениковъ Энгельса.

Да, соціалисты 40-хъ годовъ знали и печатали въ прекрасномъ литературномъ изложеніи все, положительно все, что Энгельсъ выдавалъ, спустя сорокъ лѣтъ, за открытія Марксъ-Энгельса *). Въ международной „République des lettres" такого рода открытія называются систематическимъ (изъ Моргана, Бюре, Томсона, Рикардо, Тюрго, Консидерана, Бланки) списываніемъ, присвоеніемъ, плагіатомъ. Некрасиво это. Но мы бы не стали тратить время надъ разоблаченіемъ нѣмецкаго маніака литературнаго величія. Богъ съ нимъ, пускай себѣ утѣшаются учеными трудами Энгельса его достойные ученики, тоже какъ онъ, ученые, Каутскій и ему подобные.

Насъ заставило взяться за перо грубое невѣжество русскихъ переводчиковъ Энгельса, ихъ реакціонная наглость въ полемикѣ послѣднихъ двадцати лѣтъ противъ всего честнаго въ бѣдной, цензурой раздавленной русской литературѣ, противъ всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ русскому безправію и порабощенію, противъ трогательно прекрасныхъ образовъ казненныхъ революціонеровъ, сложившихъ свои головы въ героической борьбѣ за политическое, соціальное и умственное освобожденіе народностей Россіи.

Эти полемисты увѣряютъ, что ими руководили наука, истина, открытыя Энгельсомъ. Пусть полюбуются они правдой и наукой, которую, по невѣдѣнію, съ такимъ усердіемъ силятся навязать русскому рабочему. Если ими руководила дѣйствительная любовь къ истинѣ, „къ благу народному", мы отъ души сожалѣемъ ихъ, какъ жертвъ грубой мистификаціи. Къ нимъ вполнѣ тогда приложимы слова: „Не вѣдаютъ, что творятъ."

Только проститъ ли имъ исторія?..

---

*) Уже цитированный Андлеръ приводитъ рядъ цитатъ о классахъ, о концентраціи и проч. изъ Базара, Бюре, Видаля, Прудона, Пекера, С. Симона и другихъ. У него нѣтъ В. Консидерана. Очевидно онъ не зналъ манифеста.

РАСКОЛЪ
СРЕДИ СОЦІАЛИСТОВЪ - ГОСУДАРСТВЕННИКОВЪ

ДОКЛАДЪ В. ЧЕРКЕЗОВА

I.

За послѣдніе годы все рѣзче и опредѣленнѣе намѣчается распаденіе среди всѣхъ національныхъ организацій соціалистовъ-государственниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Соціалъ-Демократовъ Марксистовъ.

Съ одной стороны, мы встрѣчаемъ людей, прямо или косвенно причастныхъ къ революціоннымъ движеніямъ, какъ напримѣръ Либкнехтъ и его старые друзья—къ революціи 1848 года; Вальянъ и Гедъ—къ Парижской Коммунѣ; Вѣра Засуличъ и Плехановъ — къ русскому революціонному диженію Народничества 1873—1880 годовъ. Съ другой стороны группируются ихъ вчерашніе друзья и сподвижники: Бернштейнъ, Фольмаръ и ихъ многочисленные послѣдователи въ Германіи; Жоресъ, Мильеранъ, Вивіани и другіе во Франціи; почти всѣ итальянскіе депутаты, до Ферри и Туратти включительно; и чуть-ли не большинство нашихъ русскихъ марксистовъ, а также марксистовъ бельгійскихъ.

Люди первой категоріи стремятся сохранить въ чистотѣ принципы и формулы соціаль-демократіи, а также языкъ и выраженія соціализма революціоннаго. Они и по сію пору не замѣчаютъ кореннаго противорѣчія между именно этими принципами правовѣрной соціальдомократіи, и формулами и выраженіями революціоннаго соціализма. Когда-то, задолго до созданія государственнаго соціализма въ его настоящей формѣ, большинство людей первой категоріи были дѣйствительными революціонерами, участвовавшими въ заговорахъ, въ манифестаціяхъ, въ революціонной борьбѣ, и многіе изъ нихъ, особенно Вальянъ, Засуличъ и Либкнехтъ, проявили много мужества, самоотверженія, и ихъ имена принадлежатъ исторіи. Но когда соціаль-демократія провозгласила основнымъ своимъ положеніемъ, что соціализмъ долженъ и можетъ быть осуществленъ только государствомъ и только путемъ парламентскаго законодательства; что добиваться вліянія на это законодательство слѣдуетъ исключительно законною (легальною) агитаціею при парламентскихъ выборахъ, и что первою за-

дачею партіи является хорошо организованная избирательная и, повторимъ, законная (легальная) агитація,—тогда, казалось бы, революціонаризму и бунтарству не оставалось тамъ мѣста.

Что̀ бы тамъ ни говорили почтенные старики-революціонеры, сама программа, и соотвѣтствующая ей легальная тактика борьбы въ связи съ ученіемъ о централизаціи, о дисциплинѣ и о подчиненіи центральному комитету, осуждали революціонеровъ и убивали иниціативу отдѣльныхъ членовъ и группъ.

При первыхъ шагахъ по этому пути легальнаго парламентаризма и частичныхъ реформъ, иниціаторамъ не преминули указать на неизбѣжныя послѣдствія и́хъ новой тактики. Имъ говорили, на основаніи историческихъ фактовъ французскаго соціализма сороковыхъ годовъ, что легальность, парламентаризмъ и частичныя реформы не замедлятъ втянуть партію на путь уступокъ и сдѣлокъ съ современнымъ капиталистическимъ государствомъ и съ нынѣ дѣйствующими, буржуазными политическими партіями... И событія не замедлили оправдать предостереженія. Мы видѣли ихъ въ парламентахъ, систематически осуждающими всякое революціонное движеніе, не только въ Германіи, гдѣ, послѣ мартовскихъ волненій 1848 года, никакое революціонное движеніе не имѣло мѣста, но и въ другихъ странахъ,—будь то въ Россіи, въ Италіи или въ Испаніи. Видѣли мы ихъ, атеистовъ и революціонеровъ, дружелюбно засѣдающихъ въ 1897 году, въ Цюрихѣ, съ попами и іезуитами, въ конференціи о покровительствѣ труду, и палочными ударами изгоняющихъ изъ залы интернаціональнаго и революціоннаго конгресса, нашихъ друзей, революціонеровъ-коммунистовъ. Видимъ мы ихъ, съ Фольмаромъ во главѣ, въ Баваріи, въ открытомъ избирательномъ союзѣ съ клерикальными реакціонерами, съ злѣйшими врагами науки, свободы, равенства и соціализма; а въ Англіи ихъ друзья и сподвижники, Фабіянцы, выступили защитниками имперіализма, войны противъ южно-африканскихъ республикъ и политики насилія, деспотизма и рабства такъ безжалостно проводимой въ жизнь знаменитыми преступниками міровой исторіи, Чемберленомъ. Родесомъ и Мильнеромъ. Видѣли мы ихъ и у насъ въ Россіи, призывающими рабочихъ, во имя соціализма и классовой борьбы, воздержаться отъ участія въ рево-

люціонныхъ манифестаціяхъ по дѣлу замученной въ крѣпости Вѣтровой (1897); а позднѣе мы читаемъ въ ихъ брошюрахъ и листкахъ увѣренія, что *„ихъ соціализмъ“* можетъ уживаться съ безобразнымъ страшилищемъ императорства, все подавляющаго и парализующаго умственное и общественное развитіе ста милліоновъ безправныхъ подданныхъ.

Эти и многое множество подобныхъ фактовъ совершались чуть ли не ежедневно и у всѣхъ на глазахъ, не вызывая ни протестовъ, ни осужденія со стороны главарей и публицистовъ партіи. Сдѣлки съ капитализмомъ и съ враждебными соціализму партіями стали рутиною, обычаемъ, хотя публичные ораторы и манифесты партіи продолжали употреблять формулы и выраженія революціонеровъ прежнихъ дней. Такая двойственность никого не удивляла, и все шло своимъ чередомъ, пока среди партіи не раздались голоса, робкіе и одиночные въ началѣ, увѣренные и смѣлые подъ конецъ, о необходимости, въ видахъ дальнѣйшаго успѣха партіи, отказаться отъ отжившихъ и несоотвѣтствующихъ ихъ практикѣ формулъ соціалистическихъ требованій, которыми такъ дорожили основатели соціальдемократіи.

Тутъ уже пришлось призадуматься и даже встревожиться всѣмъ, кто искренно вѣрилъ, что парламентаризмъ, легальность, уступки капиталистическому государству, какъ и временные союзы съ буржуазными реакціонерами и съ клерикалами, были мимолетнымъ зломъ, навязаннымъ партіи историческими условіями; зломъ, которое должно быть отброшено при первомъ удобномъ случаѣ, дабы выступить съ программой чистаго коммунизма государственнаго. Но особенно пришлось встревожиться, когда передъ ними предстали два чрезвычайно характерныхъ факта: попытка Бернштейна освободиться отъ соціалистической части программы партіи, отъ теоретическаго революціонерства, и взамѣнъ и того и другого выставить программу мирныхъ и легальныхъ реформъ по рабочему законодательству; и второй, еще болѣе неожиданный—составленіе министерства Вальдекъ Руссо-Галифе-Мильерана.

Покойный Либкнехтъ, а также Бебель, Ауеръ и ихъ друзья были глубоко поражены и огорчены предложеніемъ Бернштейна, ихъ стараго и лучшаго теоретика,

душеприкащика Энгельса и настоящаго представителя политико-соціальнаго эклектизма, извѣстнаго подъ названіемъ „Научнаго соціализма.“ Они горячо протестовали противъ предложенія отбросить теоретическую часть программы, какъ не соотвѣтствующую дѣйствительной тактикѣ партіи. Шуменъ былъ протестъ. На Бернштейна посылались обвиненія въ филистерствѣ, въ буржуазности, оппортюнизмѣ. И, конечно, онъ бы заслужилъ всѣ эти укоры и обвиненія, если бы онъ извращалъ дѣйствительность, не былъ бы искрененъ. Виноватъ однако не Бернштейнъ, что въ одинъ прекрасный день онъ увидалъ тридцати-лѣтнюю практику соціаль-демократіи въ настоящемъ ея свѣтѣ, и вина его не въ томъ, что онъ предложилъ быть послѣдовательнымъ, и не рядиться въ соціалистовъ-революціонеровъ, когда вся дѣятельность партіи была и есть легально-реформаторская. Что Бернштейнъ не извращалъ фактическую правду, лучше всего видно изъ словъ Ауера, несмѣняемаго секретаря, цензора и настоящаго заправилы партіи. Укоряя Бернштейна за его предложеніе, Ауеръ восклицаетъ: „Глупецъ! — это дѣлаютъ, но объ этомъ не говорятъ!“

Спрашивается: въ чемъ же измѣнилъ партіи Бернштейнъ, если она все это практикуетъ? Развѣ это онъ подставилъ, вмѣсто „революціи“ — легальность? вмѣсто „соціальнаго переворота“ — рабочее законодательство и постепеновщину? Если кого и винить, то основателей партіи и авторовъ „научнаго соціализма“. А имена послѣднихъ всѣмъ хорошо знакомы. Между ними Бернштейнъ—мелкая сошка.

Но какъ ни мелокъ Бернштейнъ-мыслитель, ученый и теоретикъ, въ этотъ разъ онъ высказалъ правду, которую мы, анархисты-коммунисты, знали давно. Между нами и Бернштейномъ разница только въ томъ, что *мы говорили десятки лѣтъ соціаль-демократамъ о несовмѣстимости легализма съ революціей, государства съ соціализмомъ, постепеновщины и мелкихъ улучшеній въ системѣ наемнаго труда и капиталистическаго производства— съ коммунизмомъ; а потому заключали мы, если вы хотите оставаться соціалистами и революціонерами, отбросьте вашу практическую программу легализма и постепеновщины; тогда какъ Бернштейнъ повелъ иную рѣчь: „такъ какъ мы, по нашей дѣятельности, легали-*

сты и постепеновцы, то отбросимъ—говорилъ онъ—маскарадный костюмъ коммунистовъ и революціонеровъ."

Насъ, революціонеровъ, вожаки соціаль-демократіи величали агентами-провокаторами, ночными „татями" и глуповатыми мечтателями. Вотъ Бернштейнъ, Жоресъ, Ферри, Туратти, Мильеранъ, Вандервельдъ и прочіе, и прочіе—а ихъ оказывается громадная масса—и рѣшили, что легализмъ, постепеновщина, законодательство капиталистическаго государства и есть настоящій соціализмъ. Потому Мильеранъ и могъ съ спокойною совѣстью войти въ министерство буржуазной республики, а Жоресъ, Вивіани и большинство французскихъ соціаль-демократовъ могутъ такъ же искренно его поддерживать; потому же Туратти, Ферри и ихъ друзья рѣшили поддерживать министерство Занарделли; а Фольмаръ съ компаніей—вступилъ въ союзъ съ клерикалами и іезуитами.

Старые революціонеры, съ Либкнехтомъ и Бебелемъ во главѣ, выступили на защиту соціализма и революціи въ политикѣ; за ними послѣдовали Гедъ, Вальянъ и другіе во Франціи; на ту же тему заговорили и нѣкоторые изъ русскихъ, особенно же г-нъ Плехановъ. Мы отъ души привѣтствовали бы этотъ поворотъ, если бы не имѣлись писанія и дѣятельность названныхъ господъ. А ни отъ первыхъ, ни отъ второй они и не думаютъ отказываться. Въ такомъ случаѣ, по всей вѣроятности, они будутъ продолжать старое. Ну, а въ этомъ старомъ мало утѣшительнаго.

Въ самомъ дѣлѣ,—развѣ не Либкнехтъ далъ, не далѣе какъ въ 1895 году, слѣдующую формулу программы соціаль-демократіи?—

„Чего мы хотимъ?—Полной свободы печати и совѣсти; всеобщей подачи голосовъ для всѣхъ избираемыхъ учрежденій, для всѣхъ общественныхъ службъ, будь то общинныя или государственныя; національное воспитаніе, школы открытыя для всѣхъ; воспитаніе и обученіе доступное для всѣхъ и со всякими облегченіями; уничтоженіе постоянныхъ армій и замѣна ихъ народной милиціей (ополченіемъ), дабы всякій гражданинъ былъ солдатомъ и всякій солдатъ — гражданиномъ; третейскаго международнаго суда; равенства женщины съ мужчиною; покровительственныхъ мѣръ (mesures de protection) въ пользу рабочаго класса:—ограниченіе часовъ рабочаго дня, санитарныя мѣропріятія и прочее." („The Programm of German Socialism."—Forum Library, New York, апрѣль 1895, стр. 28).

Подъ этой программой подпишется каждый французскій радикалъ. Но соціалистъ не подпишется, такъ какъ

соціализмъ требуетъ уничтоженія наемнаго труда, даже получасоваго, уничтоженія военщины и войны во всѣхъ видахъ... Подъ ней не подпишется даже швейцарскій радикалъ, такъ какъ буржуазная Швейцарія, осуществивъ всѣ требованія программы Либкнехта (за исключеніемъ равенства половъ), пошла дальше и признала прямое законодательство и референдумъ.

А во Франціи, развѣ не Гедъ и его друзья выработали пресловутую программу-минимумъ, за которую они такъ упорно держатся, и о которой Марксъ выразился, что „если это—марксизмъ, то я не марксистъ?“

Тоже самое въ Россіи. Развѣ не г. Плехановъ совѣтовалъ („Политическая борьба и Соціализмъ“) русскимъ революціонерамъ „спрятать пугало—Красное Знамя соціальной революціи“ и бороться за извѣстныя общественныя реформы? И развѣ не тотъ же авторъ, не далѣе, какъ въ прошломъ 1900 году, характеризовалъ основныя идеи революціоннаго марксизма слѣдующимъ манеромъ:

(Установивъ историческіе взляды Гизо и его пониманіе о борьбѣ классовъ, г. Плехановъ такъ и заканчиваетъ свое длинное предисловіе къ „Коммунистическому Манифесту“):—„Во время реставраціи, Гизо и его единомышленники... стремились къ установленію диктатуры средняго класса, но никто изъ нихъ не думалъ о насильственныхъ дѣйствіяхъ вообще и объ уличныхъ возстаніяхъ въ частности. Гизо, навѣрное, рѣзко осудилъ бы тогда всякій планъ такого возстанія. Но это не мѣшало ему (Гизо!?) быть *революціонеромъ* (!)... Совершенно такими же революціонерами (только стоявшими на точкѣ зрѣнія другого класса) явились Марксъ и Энгельсъ въ Манифестѣ Коммунистической Партіи, и совершенно такими же революціонерами остались они до послѣдняго издыханія“ *).

Гизо, глава исторической школы доктринеровъ и реакціонный министръ Луи Филиппа; Гизо, изгнавшій Маркса изъ Франціи, и вызвавшій революцію 24 февраля своимъ упорнымъ сопротивленіемъ общественной реформѣ ставится соціаль-демократомъ революціоннымъ прототипомъ Маркса и Энгельса и всей соціаль-демо-

*) „Манифестъ Коммунистической Партіи.“ Изданіе революціонной организаціи. Женева 1900. Типографія революціонной организаціи „Соціаль-демократъ,“— революціонной въ смыслѣ Гизо, читатель!

кратіи! Съ такими революціонерами правительства могутъ спать и наслаждаться благоденствуя. Подобно „революціонеру“ министру Гизо, и „революціонеръ“ Мильеранъ могъ стать министромъ. Но боюсь что отъ такого революціонаризма дѣло соціальнаго освобожденія русскаго народа не далеко подвинется. Г-нъ Плехановъ съ друзьями могутъ ставить слово „революціонный“ сколько разъ имъ угодно, но разъ они революціонеры типа Гизо, боюсь, что ихъ „Заря“ будетъ сѣренькая, а изъ ихъ искръ, не возгорится пламя. А если и возгорится, то по примѣру того же Гизо, они сами постараются его потушить.

II.

Разъ подъ вліяніемъ условій пропаганды и борьбы, партія была вынуждена, подъ видомъ соціализма, принять программу радикальныхъ и парламентарныхъ реформаторовъ, а понятіе о революціи и революціонной тактикѣ замѣнить эволюціей и постепеновщиной,—было совершенно естественно ожидать, что, рано или поздно, тѣ же требованія пропаганды заставятъ установить и терминологію соотвѣтственную содержанію и практикѣ. Искренніе и талантливѣйшіе изъ стариковъ могутъ негодовать и метать громы противъ Бернштейновъ, Мильерановъ и Жоресовъ; но за послѣднихъ — фактическая исторія партіи, все ея прошлое, и они, конечно, будутъ имѣть успѣхъ. Да и успѣли уже. За нихъ — огромная масса тѣхъ радикальныхъ избирателей, которые подавали голоса за программы Либкнехта и программу-минимумъ, за легальное законодательство о покровительствѣ труда.

И какъ имъ не успѣть? Вѣдь Бернштейнъ, Жоресъ и Мильеранъ еще вчера были „великими“ учеными, ораторами, вожаками партіи. Бернштейнъ — душеприкащикъ и хранитель *„науки,“* самого Энгельса — отца „Научнаго Соціализма!“ Это—авторитетъ, и очень большой въ глазахъ рядовыхъ и дисциплинированныхъ членовъ партіи. А что до Жореса и Мильерана, такъ давно ли, по настоянію Либкнехта, Бебеля, Зингера, Ферри и другихъ свѣтилъ и вожаковъ, Франція была разбита, на Лондонскомъ конгрессѣ 1896 г. *на двѣ націи*, только за тѣмъ, чтобы дать возможность тому и другому, явившимся безъ полномочій, присутствовать на конгрессѣ? —„Въ чемъ отступили мы отъ принциповъ и

тактики партіи?"—спрашиваютъ они. Легальная реформа, мирная пропаганда, захватъ власти... развѣ это не сущность ученія государственнаго соціализма и соціальдемократіи?

Но старики протестуютъ и, на этотъ разъ, протестуютъ во имя соціализма и его высокихъ идеаловъ въ ихъ полной чистотѣ, безъ всякихъ эпитетовъ.

Кто изъ спорящихъ правъ?

Намъ кажется, что обѣ стороны одинаково далеки отъ соціализма и его идеаловъ; что давно уже и тѣ, и другіе, изъ чистыхъ соціалистовъ превратились въ честныхъ политическихъ прогрессистовъ, несомнѣнно желающихъ блага народу и добивающихся общественныхъ реформъ, какъ то дѣлали въ Англіи лордъ Шафтсбюри, Остелеръ и радикальные реформаторы, а во Франціи сороковыхъ годовъ — соціалистическая демократія (démocratié Socialiste) и ихъ современные послѣдователи—„радикалы соціалистическіе" (radicaux Socialistes) типа Гобле, Клемансо, Пельтана и другихъ. Этимъ сравненіемъ мы нисколько не думаемъ унижать соціальдемократію. Названные англійскіе и французскіе реформаторы—люди очень гуманные, искренніе друзья прогресса и блага народнаго. Они не революціонеры, но всю программу реформъ, предложенную Либкнехтомъ, они цѣликомъ признали и всегда готовы защищать ее съ парламентской трибуны и въ прессѣ. Что мы вѣрны фактамъ исторіи—вотъ доказательства.

Основное положеніе тактики соціаль-демократіи гласитъ, что „Всякая соціальная борьба есть борьба классовая: всякая классовая борьба—есть борьба политическая." Отсюда и ученіе о захватѣ политической власти и о захватѣ Государства. Но французскіе демократы-соціалисты (démocratie Socialiste), еще въ 1841 году, устами ихъ вождя Ледрю Роллена, заявили, что „Демократія отличается отъ другихъ партій желаніемъ воспользоваться политикой для соціальнаго переустройства."

И какъ только Ледрю Ролленъ съ друзьями попали въ правительство, первымъ дѣломъ они ввели всеобщее избирательное право, чего съ такимъ пафосомъ требуетъ программа Либкнехта, что составляетъ самое главное требованіе бельгійской соціаль-демократіи, прославляемой нашими марксистами.

Можно бы продолжать сравненіе соціаль-демократіи съ демократіей-соціалистической сороковыхъ годовъ до

мельчайшихъ подробностей, но и сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что если между ними и существуетъ разница, такъ развѣ только въ перестановкѣ порядка словъ въ имени партіи. Въ такомъ случаѣ, не друзьямъ Либкнехта, не сторонникамъ программы-минимума и не революціонерамъ школы Гизо, говорить о чистомъ соціализмѣ и о дѣйствительной революціи.

Что составляетъ основу чистаго соціализма?—Уничтоженіе эксплуатаціи человѣка—человѣкомъ, обществомъ, государствомъ; право каждаго располагать по своему желанію продуктами своего труда, своимъ временемъ и силами.—Можетъ ли въ такомъ случаѣ чистый соціалистъ говорить только объ уменьшеніи числа часовъ работы на хозяина, вмѣсто полнаго уничтоженія работы на кого бы то ни было? Можетъ-ли онъ защищать право большинства насильно навязывать свои рѣшенія меньшинству? И можетъ ли онъ не стремиться къ немедленному разрушенію государства во всѣхъ его формахъ?

Кто за уничтоженіе эксплуатаціи человѣка, тотъ обязанъ, едва-ли не прежде всего, требовать разрушенія именно государства, какъ самаго страшнаго и безжалостнаго эксплуататора и раззорителя производительныхъ силъ труда. Государство, даже самое либеральное и самое демократическое, даже то, въ которомъ отмѣнены всѣ прямые налоги съ производительныхъ классовъ, гдѣ существуетъ только подоходный налогъ съ богатыхъ, прославляемый соціаль-демократами, — даже такое государство остается фактическимъ грабителемъ, говорящимъ богатымъ и эксплуататорамъ:

„Моими войсками, полиціей, судомъ и духовенствомъ я держу народъ въ невѣжествѣ и въ страхѣ божьемъ. Не бойтесь ничего и грабьте его по силамъ и ухищреніямъ вашимъ, а изъ награбленнаго вами дайте мнѣ десятую или восьмую долю на содержаніе моихъ и вашихъ слугъ, то-есть министровъ, чиновниковъ, войска, полиціи, судей, духовныхъ и палача“.

И частные эксплуататоры грабятъ, дѣлясь награбленнымъ съ тѣми общественными паразитами, которые составляютъ правящіе классы и государство. Съ своей стороны и послѣднее не остается въ долгу у капиталистовъ. Ежегодно государства Европы выплачиваютъ правящимъ классамъ, въ формѣ процентовъ и погашенія государственныхъ долговъ, свыше *двухъ милліардовъ*

рублей. Это уже прямая эксплуатація и, конечно, нигдѣ въ мірѣ барыши частной эксплуатаціи, даже самыхъ богатыхъ и могущественныхъ компаній не составляютъ и одной сотой доли этой чудовищной цифры государственной эксплуатаціи народа. Конецъ этой эксплуатаціи настанетъ только съ уничтоженіемъ государства. Даже допустивъ что путемъ государственнаго законодательства соціалистамъ-постепеновцамъ и удалось бы ограничить частную эксплуатацію—предположеніе прямо сказочное—все же правящіе классы будутъ преспокойно продолжать получать ренту изъ государственнаго казначейства, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ распоряженіи, какъ правящихъ, будетъ и весь бюджетъ государственный.

А задумались-ли защитники благодѣяній государственнаго законодательства надъ тѣмъ, во что это законодательство и государство обходятся страждущему человѣчеству, разоренному крестьянству, истощеннымъ рабочимъ? Полагаемъ, что нѣтъ. Въ противномъ случаѣ они бы не преминули сознать, что пока имъ удастся добиться большинства въ парламентахъ для легальныхъ реформъ, страшный паразитъ *государство* высосетъ всѣ жизненные соки общественнаго организма. Говоримъ это безъ преувеличенія. Если бы соціальдемократія серьезно подумала объ экономической роли государства, она бы съ ужасомъ увидѣла слѣдующее:

Шесть великихъ европейскихъ государствъ ежегодно собираютъ съ народа почти семь тысячъ милліоновъ рублей. Этотъ узаконенный чудовищный поборъ распредѣляется между государствами въ слѣдующемъ порядкѣ:

Англія	1,320,600,000	рублей
Австро-Венгрія	1,098,000,000	„
Германія*	690,100,000	„
Италія	706,000,000	„
Франція	1,425,000,000	„
Россія	1,480,000,000	„
Всего	6,719,680,000	рублей

Прибавимъ къ этой цифрѣ государственныхъ сборовъ, сборы муниципальные, общинные, земскіе и другіе, тоже обязательные, и которые обыкновенно составляютъ около четвертой доли сборовъ государственныхъ, и мы получимъ свыше *девяти мильярдовъ (9,400,000,000 рублей).* Количество, трудно постижимое по своей гро-

*) Безъ частныхъ бюджетовъ Пруссіи, Баваріи и другихъ.

мадности. Но если разложить его на число жителей названныхъ державъ, а ихъ не свыше 300 милліоновъ, то мы поймемъ всю тяжесть, для производительныхъ классовъ, этого узаконеннаго грабежа. Согласно статистикѣ, въ современномъ человѣчествѣ только одна восьмая часть населенія считается производительною. Слѣдовательно, всю громадную сумму своихъ поборовъ государства получаютъ съ тридцати-восьми милліоновъ производителей; другими словами, съ каждаго европейскаго производителя государство беретъ—насиліемъ, конечно—свыше 240 рублей въ годъ... И честные, добра желающіе народу люди могутъ защищать государство! Замѣтьте, что эти девять милліардовъ составляютъ ровно половину всей прибавочной стоимости, ежегодно отбираемой у народа эксплуататорами всѣхъ видовъ, профессій и національностей. Какъ можетъ соціалистъ, то-есть человѣкъ борящійся за уничтоженіе эксплуатаціи и общественнаго паразитизма, защищать государство, то-есть самаго могущественнаго, самаго хищнаго, безпощаднаго и все подавляющаго эксплуататора народныхъ силъ и производительности?

Всякій разъ, какъ я читаю убѣдительныя приглашенія легальныхъ постепеновцевъ отдаться избирательной агитаціи, дабы провести мнимыхъ соціалистовъ въ государственный парламентъ, у меня невольно является вопросъ: Что бы сказали честные люди тому атеисту, который вздумалъ бы убѣждать другихъ атеистовъ стараться попасть въ попы, съ цѣлью разрушенія религіи и церкви? Вообразите себѣ Вольтера и Дидро, приглашающихъ своихъ друзей стать попами и монахами, для вящщаго успѣха распространенія антиклерикализма! Подобное предположеніе, скажутъ мнѣ, было бы безнравственно. Согласенъ. Но почему же нравственно и даже доблестно для соціалиста, хотя бы и постепеновца и легалиста, убѣждать честныхъ людей, что для освобожденія отъ эксплуатаціи, слѣдуетъ становиться депутатами, сенаторами, администраторами государства, непосредственно эксплуатирующаго народъ на половину всей годовой эксплуатаціи и гарантирующаго частнымъ хищникамъ безнаказанность присвоенія ими другой половины?

А между тѣмъ соціалисты-государственники за послѣдніе 30—40 лѣтъ сосредоточили всѣ свои силы на

проповѣди завоеванія власти и государства легальнымъ путемъ, для осуществленія соціализма. Совершенно вздорное понятіе Луи Блана о государствѣ, какъ о слугѣ народномъ (l'Etatserviteur), по странному недоразумѣнію, было усвоено соціалистами-постепеновцами какъ высочайшая соціалистическая мудрость. Особенно въ Германіи обоготвореніе государства и проповѣдь легальной политики и постепеновщины достигли всеобщаго распространенія. Изъ Германіи это заблужденіе, подъ громкимъ названіемъ „Научнаго Соціализма“ проникло и въ другія страны, и соціаль-демократія міра исключительно отдалась парламентаризму и ученію о государствѣ—всесильномъ, централизованномъ и благодѣтельствующемъ народъ. И до того это предубѣжденіе стало всеобщимъ, что соціализмъ,—ученіе анти-государственное (общественность)—превратили въ синонимъ государственности, *) а насъ, коммунистовъ, революціонеровъ и враговъ государства, стали представлять какъ враговъ соціализма.

Съ того времени, когда Луи Бланъ, а за нимъ Марксъ и Энгельсъ, ввели въ соціализмъ ученіе о государствѣ, прошло больше полустолѣтія. Что же, сторонники легализма и постепеновщины облегчили-ли судьбу народныхъ массъ? — уменьшили-ли они хоть на грошъ тяготу государственной эксплуатаціи?—Нѣтъ. Поборы съ народа все росли съ неслыханной до того времени быстротой, какъ видно изъ нижеслѣдующей таблички.

Ростъ бюджетовъ великихъ державъ въ минувшемъ столѣтіи былъ слѣдующій:

Годы	Бюджеты
1810	1,180,000,000 рублей
1850	1,980,000,000 „
1900	6,719,680,000 „

Въ первой половинѣ столѣтія, пока общественное мнѣніе не было отравлено ученіемъ о государствѣ-благодѣтелѣ, когда всѣ передовые люди единодушно возставали противъ поборовъ и гнета государства, мы видимъ какъ

*) Напомнимъ, что слово соціализмъ впервые употребили овенисты, проповѣдовавшіе коммунизмъ и добровольный союзъ свободныхъ общинъ. Всѣ они были послѣдователи Годвина, отца современнаго анархизма.—Сенъ-Симонъ и его школа формулировали соціализмъ словами: „Земной шаръ, воздѣлываемый свободными и сфедерированными ассоціаціями“—Фаланстеръ, независимый и самоуправляющійся, былъ идеаломъ Фурьеристовъ.

медленно растутъ бюджеты великихъ державъ. За первое сорокалѣтіе поборы возросли на 700 милліоновъ. Но вотъ народъ стали увѣрять, что государство просто-на-просто его слуга, что его можно захватить въ свои руки и употребить его бюджетъ на пользу самаго народа; и говорилось все это именемъ соціализма и даже революціи. Вмѣсто протестовъ и революціи противъ государственнаго хищенія, стали пропагандировать подчиненіе и легальность. Результатомъ всего этого мы видимъ покорность народа власти и возростаніе поборовъ не на 700 милліоновъ, а на пять мильярдовъ, то-есть возростаніе въ семь разъ быстрѣе, чѣмъ въ первой половинѣ столѣтія.

Поразительно особенно то, что за первый періодъ, производительность самой индустріальной страны, Англіи, устроилась; нѣсколько медленнѣе шло развитіе другихъ странъ, но во всякомъ случаѣ производительность удвоилась и у нихъ. За второй-же періодъ возростаніе производительности мы можемъ принять утроившимся для всѣхъ странъ. Между тѣмъ, ростъ поборовъ первой половины достигъ только 50 процентовъ, тогда какъ за вторую половину онъ выражается утроеніемъ. Этимъ утроеніемъ мы обязаны проповѣди подчиненія, легализма и постепеновщины.

Никогда капиталистическое производство не можетъ усиливать эксплуатацію каждаго производителя въ такой ужасающей пропорціи. Частный эксплуататоръ, желая увеличить свои доходы, старается увеличить число имъ эксплуатируемыхъ. Государство же, увеличивая въ семь разъ свои поборы, имѣло дѣло съ населеніемъ, которое за все столѣтіе только удвоилось. Значитъ и въ смыслѣ прямого эксплуататора, государство—большій врагъ народу, чѣмъ само капиталистическое производство. А въ довершеніе всѣхъ золъ, вѣдь и въ капиталистической эксплуатаціи повинно то же государство. Безъ его полиціи, войска, суда и бюрократіи, капитализмъ не могъ бы противостоять народу, особенно рабочему движенію, организованному на началахъ экономической, а не избирательной солидарности, — для революціонной борьбы, а не для мирной забавы подачи голосовъ.

Удайся народу разбить оковы государства, никакимъ трёстамъ (trusts) и федераціямъ хозяевъ не устоять

противъ свободной экономической организацiи революцiоннаго производителя. Вотъ почему я говорилъ выше, что всякiй „честный соцiалистъ“ долженъ бороться съ государствомъ, работать надъ его разрушенiемъ; а теперь я могу добавить еще, что борьба съ государствомъ должна быть на первомъ планѣ для всякаго соцiалиста-революцiонера.

Къ счастью, искренніе друзья человѣчества начинаютъ понимать всю силу гнета и раззорительности государства. Люди различнаго общественнаго положенiя, различнаго философскаго мiросозерцанiя и темпераментовъ начинаютъ поднимать свои смѣлые и независимые голоса противъ всемертвящей Медузиной головы государства. Религiозный коммунистъ Толстой, индувидуалистъ Гербертъ Спенсеръ, поэты и романисты—Золя, Ибсенъ, Гауптманъ и другiе—мютюэллисты, индивидуалисты-анархисты—всѣ заговорили противъ авторитета власти, противъ государства.

Ободренные симпатiями пробуждающагося общественнаго сознанiя, мы, анархисты-коммунисты и революцiонеры, будемъ продолжать съ усиленной энергiей нашу пропаганду немедленнаго разрушенiя самаго страшнаго эксплуататора и угнетателя человѣчества,—государства. Будемъ звать народъ къ вольной и солидарной жизни свободныхъ и равноправныхъ людей въ независимыхъ и добровольно-объединенныхъ ассоцiацiяхъ. Будемъ звать все честное и живое въ современномъ обществѣ на борьбу съ государствомъ, и честно скажемъ нашимъ братьямъ соцiалистамъ, что быть революцiонеромъ—значитъ быть противъ государства: что соцiализмъ требуетъ этой борьбы противъ эксплуатацiи и порабощенiя,—противъ власти и авторитета.

Неустанно будемъ повторять народу, что современная техника, наука и вся культура требуютъ освобожденiя человѣка отъ власти и приказовъ другихъ; они же требуютъ устройства коммунистическихъ ассоцiацiй, вольныхъ вступать въ союзы и федерацiи съ кѣмъ и какъ они пожелаютъ. Укажемъ ему и то, что говоримъ мы все это не по наитiю свыше, а на основанiи анализа жизни и экономическихъ отношенiй, и въ полномъ согласiи съ ученiемъ великихъ друзей человѣчества, дѣйствительныхъ отцовъ современнаго соцiализма.

